Марина

Болдова

семейный детектив

Иногда фамильные тайны несут в себе и проклятье, и благословение

Третий круг рая

Марина Владимировна Болдова
Третий круг рая
Серия «Семейный детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67776735
Болдова Марина. Третий круг рая: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-149244-1

Аннотация

Что делать, если на пороге вдруг появляется человек, которого ты пыталась забыть много лет, и просит о помощи? Простить предательство и принять? Ляна не задумываясь соглашается предоставить Захару убежище, хотя тот признается, что только что убил жену. Она решает спрятать его в своем доме в заброшенном дачном поселке, где не так давно уже приютила найденного без сознания в лесу пожилого мужчину. Но, добравшись до места, Ляна и Захар находят того мертвым. Почти на том же месте, где восемь лет назад Ляна обнаружила тело отца. Пытаясь разобраться, кому и зачем понадобилось лишать жизни безобидного старика, Ляна понимает, что корни обоих преступлений – в далеком прошлом ее предков, которое от нее скрывали. А старая любовь вернулась всего лишь для того, чтобы уступить место новому настоящему чувству.

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 15
Глава 3 25
Глава 4 34
Глава 5 47
Глава 6 57
Глава 7 69
Глава 8 78
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Марина Болдова
Третий круг рая

© Болдова М., 2022
© ООО «Издательство „АСТ“», 2022

На ее глазах автомобиль, двигавшийся с запредельной для города скоростью, занесло, он вылетел на газон и воткнулся в столб. Ляна закричала. Авария была страшной, как и история человека, сидевшего за рулем…

«Силы небесные! – прошептала Ляна, прячась за спинами прохожих. – Я не хотела, чтобы все кончилось вот так!» Ее никто не услышал. Никто, кроме весьма пожилого мужчины, обернувшегося на ее тихий возглас.

– Вы что-то сказали? Мне? – Он пытливо всмотрелся в ее лицо.

– Нет-нет. – Ляна независимо передернула плечами, отвернулась и пошла прочь.

– Ведьма! – донеслось вслед злобное шипение старика. – Не хотела она! Рыжая ведьма…

Он протиснулся сквозь толпу ближе к месту аварии…

* * *

Я сделала это впервые – нарушила главное правило любого экстрасенса, гадалки, целителя: вмешалась, когда не

просили. И теперь готовилась предстать перед судом – не Божьим, нет: мой дар (или проклятие) смешал меня с толпой тех, кому предстояло покинуть этот мир во время чумы двадцать первого века. Каждому из этой толпы предстояло пройти свой ад – на Земле или уже покинув ее. Мне земного времени осталось двадцать два часа двадцать две минуты двадцать две секунды… двадцать одна, двадцать, девятнадцать…

Глава 1

Он пришел поздно. Сумрачный летний вечер после дневного проливного дождя был спасительно прохладным – город задыхался от жары уже которую неделю. Не дожидаясь приглашения войти, ввалился в прихожую, двумя движениями скинул с ног летние сандалии и только после открыто посмотрел на меня. «Только не гони!» – выдохнул жалобно, протягивая ко мне руки. Я невольно отшатнулась, кивнув. Почему не выставила за дверь сразу? Он выглядел безумным, загнанным зверем, каким-то внутренним чутьем нашедшим единственное убежище. Где примут и помогут. В глазах – мольба, боль потери и отчаянный страх такой силы, что у меня, тут же перетянувшей на себя немалую долю этого страха, подкосились колени. Но закройся я от него, выставь энергетический барьер – он упал бы замертво прямо здесь, в прихожей. От него уже веяло смертью. Только я пока не поняла – за ним ли она пришла или… за той, кого он не так давно оттолкнул от себя, тут же трусливо сбежав. За молодой, нереально красивой женщиной, чье лицо перед моим мысленным взором быстро превращалось в застывшую маску.

Я, Ляна Бадони, знала обоих – и его, и эту женщину: когда-то мы учились в одном классе. Только я ушла после девятого в музыкальное училище, а они остались. Захар Таль-

ников и Жанна Каверина. Пара, которой пророчили блестящее будущее. Ему – в науке. Ей – в балете. Обоим – в совместной семейной жизни.

– Куда мне… пройти? – Захар покрутил головой: дверей в обозримой близости было пять и только одна гостеприимно распахнута – в крошечную кухню.

– Сюда, – кивнула я на ближнюю справа.

Резко распахнув обе створки, он сделал широкий шаг и остановился, загородив дверной проем.

– Вот же черт! Ты правда ведьма, что ли? Лянка?! – Он обернулся, а я вдруг поняла, что он ничего обо мне не знал эти четырнадцать лет. И пришел лишь потому, что помнил, где жила, когда мы учились в школе. Или на пути его бегства мой дом стоял первым?

– Уйдешь или рискнешь войти? – невольно усмехнулась я, испытав легкую обиду.

– Куда?! Куда это?! Мне некуда! – тут же испугался он, торопливо делая еще несколько шагов и усаживаясь в кресло.

Возможно, не нужно было пускать его в комнату, где я вела прием, вот так, сразу. Единственное широкое окно всегда было закрыто плотной темно-серой шторой, из-за чего в помещении даже солнечным днем царил полумрак. Светильник под потолком я включала редко. Чтобы видеть карты и лицо человека, мне обычно достаточно света бра на стене слева от моего кресла. Сейчас на полках, комоде и поверхности декоративного камина догорали свечи, все разного раз-

мера и цвета. На овальном столике, покрытом алой бархатной скатертью, «отдыхала» колода карт Золотого Таро, притягивая взгляд загадочными для непосвященного картинками. Ритуальный ножик, агатовые четки и небольшой православный крест я успела уложить в шкатулку, но крышка оставалась открытой. Из колонок тихо звучала очередная композиция «Энигмы».

– Да, ведьма, – просто ответила я и нажала выключатель на стене – яркий свет люстры тотчас лишил помещение таинственности. – Расслабься, Захар, в жабу превращать тебя не собираюсь. Скажи, зачем ты убежал из дома? Возможно, Жанна была еще жива.

Это была моя маленькая месть. Сейчас он засыплет меня вопросами, пытаясь скрыть страх, затем встанет в позу «не верю, тебе рассказали», а успокоится, лишь когда до него дойдет, что как раз рассказать мне никто ничего не мог. Не было там, в доме, никого. Он и Жанна. И последний кадр в его памяти – она, Жанна, неподвижно застывшая в нелепой позе на белоснежном пушистом коврике: ноги согнуты в коленях, руки раскинуты в стороны, спина опирается на кровать. Половину лица не видно, его закрывают растрепавшиеся волосы…

– Не жива она, Лянка. – В голосе звучала обреченность. – Я ее убил. Не хотел, нет! Вышло случайно, веришь? Нужно было бы, чтобы она в себя пришла, алкашка! Выспалась, что ли… или наоборот, вообще заснула. – Захар бросил на меня

испуганный взгляд. – То есть я не это хотел сказать! Вообще – это чтобы спала уж, а не отсвечивала перед матерью. Мать вот-вот должна была прийти, я уж думал – там она, когда домой ехал. Но, слава богу, не было ее. Или наоборот, не слава богу?! А?! Как думаешь? Ну да… Как ты думать можешь… Тебя там не было, да и по фигу уже я тебе! Зря пришел…

– Захар, хватит истерить, – спокойно посоветовала я: мне нужно было подумать.

– А ты спрячешь меня? Ну, хотя бы по старой памяти! Сейчас Жанкина мать уже наверняка пришла, а там – труп вместо дочери. Ты знаешь, кто у нее любовник? У Гелы?

Я не знала. Ангелина Станиславовна осталась в моей памяти неким воздушным созданием без комплексов и царя в голове. Каверин женился на ней, как говорила мамина подруга Тата, буквально «сняв с подиума» городского конкурса красоты. Жанна у них родилась не в срок, чуть раньше, что тоже было предметом обсуждения Таты и мамы. Да, подслушивая их разговоры, я узнавала светские сплетни первой. Передавать информацию дальше было некуда: близких подруг не держала, так и не прикипев душой ни к одной из ровесниц.

Я отрицательно помотала головой – не знаю…

– Жора Фандо. Ресторан и отель «Греция» на набережной, клуб «Бигль», парк «Остров бест». Ну и так, по мелочам – офисные здания, парковки, магазины. Слышала о таком? Впрочем, откуда… прости. Он почти наш ровесник, Лянка!

А она с ним… Хотя все фигня, их дело… но башку Жора мне снесет точно. Если не спрячешь… У тебя дача жива? У озера?

Значит, шел ко мне целенаправленно. И уж никак не за помощью гадалки, коей являюсь. Что ж, не буду обманывать. Дом на Агатовом озере, которое с чьей-то нелегкой руки дачники называли Озером грешников, вполне крепок и даже обитаем. Я с родителями прожила в этом коттеджном поселке семь лет, ровно до моего поступления в школу. Наш дом стоял первым от дороги, другие были рассыпаны в беспорядке по лесу, словно кто-то сверху гигантской рукой щедро кинул горсть одинаковых деревянных строений. Количеством восемнадцать. Обшитые досками стены со временем приобрели мрачный оттенок сильно отсыревшего дерева. Почему-то особенно черной стала та сторона, что к озеру. Что мешало владельцам дач окрасить фасады цветной краской, я не знаю. Впрочем, я сама до сих пор не удосужилась купить хотя бы ведерко для окраски окон – разбухшие от сырости за зиму рамы закрывались с большим трудом. Заборов в поселке не имелось, как и, собственно, определенных границ участков. Но самым непонятным было то, что нам, детям, было запрещено рассказывать об этом месте кому бы то ни было под страхом страшного наказания. Мне смолчать было легче всех – наша семья жила здесь круглый год, остальные же наезжали из города чаще летом и совсем редко зимой. И почти всегда с бабушками и дедами, нежели с родителями.

Отец работал комендантом этого странного места: то ли дачного массива, то ли небольшого загородного коттеджного поселка. Днем я была с ним, мама уезжала, как говорил отец, «на службу» – рано утром меня будил звук клаксона служебной «Волги», водитель которой жил в самом ближнем от нас доме – на высоком берегу озера. Сложное для меня слово «архивариус» я четко выговаривала к трем годам, вызывая у мамы улыбку. Смысл же стал понятен мне не скоро.

Со всех сторон стеной стоял смешанный лес, большей частью хвойный. Рос он и по берегам озера, вытянутого вдоль на много километров. Купаться настрого запрещалось, но почему так, похоже, никто не знал. Нам, детям, нельзя было даже приближаться к единственному сходу к воде – крепко сколоченным деревянным мосткам, с которых набирали воду для технических нужд взрослые. Питьевую же приносили из источника в глубине леса. Отец считал ее целебной, заваривая травяной чай по собственному рецепту.

Мы, дети, ходили друг к другу в гости, но я не помню, чтобы взрослые когда-нибудь собирались вместе. У мостков, набирая воду, они, вежливо здороваясь, перекидывались парой фраз и расходились по своим домам. Жизнь в поселке замирала рано, задолго до прихода темноты. Уже совсем поздним вечером отец включал слабое «уличное» освещение, приносил дрова для камина, если было прохладно, и запирал дом. Я забиралась в мансарду и выглядывала в окно – самих коттеджей видно не было, лишь россыпь огней – то был свет в

окнах.

До самого переезда в городскую квартиру я была уверена, что абсолютно в каждой семье есть автомобиль «Волга» с водителем, пианино в гостиной и библиотека-кабинет: во всех дачных коттеджах именно так называлась комната в мансарде с книжными стеллажами вдоль одной из стен и обязательным камином…

С каждым годом все больше домов в отпускной сезон оставались закрытыми – лишенный комфорта отдых радовал лишь непритязательных любителей тишины и уединения. Этим же летом на дачах постоянно пребывал только один человек, и жил он в моем доме. Теперь я размышляла, могу ли подселить к нему соседа.

«Да пусть едет, в конце концов. Уживутся как-нибудь с дедом», – решилась я, стараясь не вникать, возможно ли это вообще.

– Дача жива. Но… там условия не очень.

– Фигня вопрос!

– Ты будешь не один. В доме живет дед – Егор Романович. Он никуда не выезжает, я продукты привожу, иногда остаюсь на несколько дней. Ему семьдесят пять, он здоров и бодр. Но характер не из легких, – предупредила я и на миг задумалась: я совсем не знала нынешнего Захара, но тот, шестнадцатилетний, которого помнила, был стопроцентным эгоистом. И ловким манипулятором.

– Твой дед? Не обижу! Я на неделю, не больше. Спасибо,

Лянка, друг!

«Ну, не друг я тебе, Тальников! Ни разу не друг! Но не выгонять же тебя… в лапы некоего Фандо!» – подумала я, выходя из комнаты.

– Есть хочешь? – обернулась в дверях и застыла: Захар беззвучно плакал…

Нет, мужские слезы для меня не признак слабости, скорее наоборот. В этой комнате я видела всякое… Но в кресле ссутулился в безнадежной усталости некогда безответно любимый мною человек. Любимый безумно и слепо первой и, похоже, единственной любовью. Предавший вмиг, но так и не ставший чужим. Прощенный, но так и не осознавший свою вину. Он не считал себя виновным, списывая свое предательство на обстоятельства. Так сложилось… Я, оправдывая его, повторяла за ним: «Да, так сложилось…» – забывая мучительно долго, бередя рану при каждом взгляде на школьную фотографию…

Вернувшись в комнату, я осторожно присела на подлокотник кресла, обняла Захара за плечи, устроив свою голову на его макушке. От волос пахло табаком и мужским шампунем.

Я понимала, «снять» с него информацию будет несложно: я все еще остро чувствую ментальную связь с ним. Я закрыла глаза…

…Я «смотрю» сверху, с высоты потолка огромного холла стилизованного под старину особняка. Внизу Захар, только что вошедший с застекленной веранды в дом, громко зо-

вет Жанну. Вот он ставит на пол сумку с ноутбуком, прислонив ее к гнутой позолоченной ножке банкетки. На атласную обивку кидает папку, промахивается, та, краем задев угол сиденья, соскальзывает вниз. Он оборачивается на звук, но тут же задирает голову – на верхней ступеньке полукружья широкой лестницы стоит Жанна. Она крепко вцепилась в перила, но все равно пошатывается. Красота ее слегка поблекла за те годы, что мы не виделись, но фигура ошеломляет своей точеной стройностью. «Опять?! Я же просил сегодня не пить, Жанна!» – с досадой кричит ей Захар и идет к лестнице. Громкий с надрывом хохот Жанны, неловкий поворот, рука отрывается от перил… Захар в два прыжка преодолевает оставшееся до нее расстояние и успевает удержать от падения…

– Жанна давно пьет, Захар? – «возвращаюсь» я в себя.

– Как выгнали из балета. Нет, вру. Ее выгнали за пьянки. Четыре года назад, когда умер отец, а Гела стала с Фандо мутить, Жанка с катушек слетела. А откуда ты знаешь? Про Жанку? Следила за нашей жизнью, да? Ну, понятно… А я вот забыл о тебе, – без тени сожаления говорит он.

У меня на миг перехватило дыхание…

Глава 2

Я «стерла» все воспоминания о нем. По крайней мере, до этого момента была уверена в этом. И вот это небрежное «забыл»…

– Нет, не следила… Сиди смирно. – Глубоко вздохнув, я спустила ладони ему на грудь и вздрогнула – сердце билось часто, но глухо. Я вновь опустила веки…

…Он несет ее по коридору как куклу: руки безжизненно свисают вниз, голова запрокинута назад. Но Жанна явно жива – я «слышу» короткие фразы и смешки, но слов не различаю. Захар останавливается у одной из дверей, пинает приоткрытую створку, заносит Жанну и кидает на широкую кровать. Та громко хохочет. «Ты сама сейчас спалишься – Гела уже едет сюда! Я не буду больше тебя прикрывать. Все, хватит». Я «вижу» его лицо – он смотрит на жену с откровенной брезгливостью. «Да пошел ты, моралист чертов… вы все скоро у меня… пойдете!» – уже спокойно и зло отвечает та, резко поднимается с кровати, тянется к бокалу с темной жидкостью, стоящему на тумбочке. Глоток, еще один… Быстро допивает содержимое до конца. Бокал падает, но не разбивается. Жанна вытягивается, пытаясь ухватиться за Захара. Лица ее не вижу, только мужские руки, легко отталкивающие ее за плечи. Жанна падает, но не на кровать, а рядом, и замирает в странной позе. Захар пятится к двери…

– Захар, ей же можно было помочь, а ты сбежал! – не удержалась я.

– Чем я ей помог бы?! Толкнул на кровать, чтобы проспалась! Я же не знал, что она упадет мимо! И вот так… застынет! Стоп! А ты… не может быть! Ты видишь, что ли, все это?! Как?!

– Не важно, – вновь отговорилась я, убрала руки с его груди и соскочила с подлокотника кресла. – Жанна упала, ты даже не посмотрел, что с ней, и сбежал. Это – факт.

– Ты думаешь, жива она? – спросил он с надеждой.

Я лишь отрицательно помотала головой.

– Где твой телефон, Захар? Ноутбук, папка, что ты принес в дом? В ней какие-то важные документы?

– Вот телефон. Я сим-карту выкинул. Да, каюсь, бесполезный жест. – Захар, повертев айфон в руке, отбросил его на стол. – Дай пакет какой-нибудь.

Я молча достала из секретера бумажный конверт формата А4 и протянула ему.

– На кухне молоток для мяса возьми.

Он вернулся скоро, потряс запечатанным конвертом – телефон расколотил на мелкие кусочки.

– Все. Остальное в машине. – Захар успокоенно улыбнулся. – Поедем прямо сейчас на дачу, а? Не хочу тебя подставлять! Жора чухнется, ищейку по следам пустит. Понатыкали камер на каждом перекрестке! Я авто оставил за три квартала отсюда во дворе, где три барака старых. Знаешь, у пор-

та? Чуть не единственный двор в центре без шлагбаума! Заезжай кто хочешь. И мест парковочных до фига. Ни у кого из жителей машин нет, что ли? Сюда шел по закоулкам, где офисов и магазинов нет. Чтобы в камеры не попасть. Маску нацепил… по самые брови! Хотя не обязательно в маске-то по улицам. Как думаешь, если на камере будет видно – не подозрительно? Идет такой… лоб здоровый, кругом никого, а рожу прикрыл. Не подумают чего? А, Лян? Фандо меня мигом узнает, если что… Вот черт!

Я понимала, что Захару нужно дать выговориться, и почти его не слушала. Я соображала, каким маршрутом будет безопасней добраться до озера. По трассе придется двигаться до полицейского поста у въезда на мост через Татьянку. Другого пути нет. Если через сотню метров после моста свернуть в село Пенкино, миновать его по окраине, то дальше идет грунтовка вдоль полей и леса, с которой и будет съезд на лесную дорогу к дачам. Поворот этот человек несведущий вряд ли заметит. Но много лет назад кто-то из дачников, чтобы не проскочить мимо, привязал красную ленточку на ветку придорожной сосны. Она, давно вылинявшая до бледно-розового цвета, и поныне там.

Сейчас дорогой этот путь по лесу можно назвать условно. А много лет назад, когда я была ребенком, в любое время года жители поселка передвигались без проблем – машины ездили часто, утром и вечером, укатывая в итоге землю почти до твердости городского асфальта. Зимой же отец чистил

проезд от снега, размахивая лопатой…

– Ты что, не слушаешь меня совсем? – тоном обиженного ребенка произнес Захар.

– Я тебя услышала, Тальников. Не впадай в детство, я тебе не мама. Кстати, как родители? – машинально спросила я, хотя тут же вспомнила слова Таты, что старшие Тальниковы несколько лет назад переехали на жительство в Анапу.

– Они с мелкой теперь у моря живут, дом купили. Помнишь мелкую? – Захар широко улыбнулся.

– Асю? – Я с трудом вспомнила его младшую сестру.

– Аська мамой стала весной, а я еще племяшку не видел. Твои где?

– Отца нет, мать с моим братом и новым мужем живет в Германии, – после небольшой запинки коротко ответила я и испытала что-то вроде удовлетворения – впервые мысли о родителях не причинили боли.

– Смутно как-то твоих родственников помню. Я дома-то у тебя бывал несколько раз всего. И был уверен, ты – единственный ребенок.

– Была единственной, когда мы с тобой… учились вместе. Поехали, Захар. Так понимаю, вся твоя одежда на тебе? На даче полно мужского барахла, переоденешься. Штанцы, правда, коротковаты будут: отец был ниже тебя почти на голову. – Я усмехнулась, представив упитанного, высокого Тальникова в папиных трениках. – Едем на моей машине, высаживаю тебя за квартал до порта, забираешь все, что

нужно, из своей тачки и пешком топаешь до строительного рынка. Я там на стоянке буду ждать.

– Понял. Возьми деньги, Лянка. Я всю наличку сейчас снял с карт. Не бойся, еще на въезде в город. – Он протянул пачку пятитысячных купюр. Я вынула из нее две, остальные вернула.

– Продукты куплю в супермаркете у моста. Полуфабрикатами питаешься? Или ваш повар деликатесами каждый день кормит? – Вышло насмешливо, я смутилась.

– Да мне, в принципе, все одно, что в топку кидать. Вот макароны люблю – да… – Захар мечтательно улыбнулся, а я поспешила на кухню – лишние полчаса задержки роли не сыграют.

– Жди здесь, на кухне все равно стола нет, ем, как правило, перед ноутбуком в кабинете, – обернулась я дверях.

– А я можно… тоже в кабинете? – Он обвел взглядом комнату, в глазах вновь мелькнул страх.

«Эк его! – весело подумала я. – Вот уж точно, чего не понимаем, того боимся. Большой вроде мальчик. А чуть приоткрылось – струсил…»

…Вспомнилось, как я впервые столкнулась с «тем» миром. Проснувшись в полночь, долго не могла сообразить, сплю или бодрствую. Мне было двенадцать, я прекрасно знала, зачем к отцу приходят люди, в основном женщины, со смешком называла его колдуном. Потому что до конца не верила, что он действительно может видеть будущее: в кар-

тах Таро, какими он пользовался, я наблюдала лишь красивые картинки, незнакомые символы и знаки. Все еще лежа в кровати, я внутри себя услышала голос, повторивший три раза одну и ту же фразу: «Люди будут приходить к тебе за помощью. Ты будешь видеть и чувствовать их. Но запомни: никогда не помогай, пока не попросят! Но просят – отказывать права не имеешь». Я почувствовала тепло в груди, гулко забилось сердце. Понять, мужским или женским был голос, не смогла. Вскочив с кровати, зажгла лампу – в комнате я была одна. Испуг прошел быстро, а утром, едва дождавшись, когда отец уйдет из дома, я зашла в его комнату…

Страх Захара, конечно же, был объясним.

– По коридору – дверь направо. Иди, принесу ужин туда.

Он ел спагетти с сыром жадно: наматывал на вилку толстый валик, обмакивал его в плошку с соевым соусом и целиком отправлял в рот. Я же ковыряла вилкой в тарелке с салатом, мыслями пребывая в дачном доме. Да, дед соседству будет не рад точно. Более неподходящей компании для него, чем Тальников, я бы не нашла – коммунист старой закалки, он не признавал власть ни земную, ни божью. И ненавидел любого, кто имел в кошельке чуть больше, чем зарплату. Я не была бы исключением, если б он не был вынужден жить в моем доме. Подобрала я деда в бессознательном состоянии в конце мая в лесу, чудом заметив среди свежей зелени кустов, росших вдоль дороги. В тот день, поддавшись спонтанному решению навестить с прошлого лета заколоченную дачу, я с

трудом дозвонилась до клиентки, чтобы отменить встречу. Я спешила, подгоняемая смутным чувством надвигающейся опасности. Знала, что беда случится не со мной, но с кем-то, кому я должна помочь. Почему ехала именно туда, на озеро, поняла сразу, как наткнулась на неподвижное тело Егора Романовича. Он не дошел до домов пару километров, лишившись чувств от усталости и голода. Первый же вопрос, который я задала, когда он очнулся, – к кому шел? Ведь в последнее время даже летом застать в поселке дачников было бы удачей.

В последние годы чаще всего я, редко наезжая, встречалась с бывшим водителем служебной «Волги» Громовым. Но, наскоро пообщавшись, мы расставались – Павел Андреевич закрывал дом и уходил в лес. Возможно, Егор Романович стремился к нему? Слабенькая, но версия – разница в возрасте у них небольшая, могли быть и давними знакомыми. Но в этом году Громов был в поселке только раз, на майские праздники – я знала, что выбираться на отдых ему проблематично: он не мог оставить без присмотра в городской квартире старика-отца.

Произнеся фамилию Павла Андреевича вслух, я следила за реакцией деда, но напрасно – ее не было. На мой вопрос он так и не ответил, но так пристально посмотрел на меня, что я в смятении отвернулась. Я держала его за руку, пытаясь «считать» информацию, но картинок не увидела. Заметила лишь легкую усмешку на его лице. Было понятно, что

Егор Романович мастерски выставляет защитный блок. До сих пор все, что знаю о нем, – имя, отчество и возраст. Да и так ли его зовут на самом деле? Документов при нем не было. Из старого кожаного портфеля, который я обнаружила в лесу рядом с ним, он при мне, уже дома, извлек три картонные папки с веревочными завязками, несколько фотографий и небольшой футляр на молнии, оказавшийся советских времен мужским несессером. Папки тут же аккуратной стопочкой были сложены дедом на край обеденного стола. Он погладил раскрытой ладонью верхнюю, после чего с грустью в голосе заметил, что никому эти бумаги уже не нужны. Я тогда промолчала.

Дед довольно быстро освоился в доме, я видела, что одиночество его совсем не тяготит. Более того, мне казалось, его даже радует отсутствие соседей…

Еще в первый день, стоя на крыльце дома, он оглянулся вокруг и с тоской в голосе заметил, что все изменилось. Это навело меня на мысль, что когда-то Егор Романович бывал здесь. И не раз. Но было это очень давно, когда на дачах бурлила жизнь.

«Умирание» поселка было медленным, началось еще в конце девяностых. Сначала прекратили привозить газовые баллоны для плитки, мы обходились электрическими. Несмотря на это, тем летом все дома дождались своих хозяев, на качели была очередь из детей постарше, в песочнице возились малыши. Но уже на следующий год поселок отклю-

чили от электроснабжения. Кто-то, как и мы, обзавелся переносным генератором, но больше половины домов на сезон остались запертыми. В августе отец с Громовым заколотили все окна и двери коттеджей досками, будучи неуверенными, что те хотя бы когда-то еще дождутся своих хозяев. Следующие несколько лет на дачах еще наблюдалась какая-то жизнь – ненадолго заселялся то один дом, то другой. Детей привозили редко, чаще на выходных наезжали компании молодежи, музыка гремела заполночь, но лично я была этому только рада – мне, ребенку, в лесной тишине было откровенно скучно. Мама все чаще оставалась после работы в городе, отец же не мог оставить место работы – он по-прежнему числился комендантом. Когда его уволили, мы в дом наведывались лишь несколько раз в месяц. И только после развода с мамой отец вновь поселился здесь…

Я отвлеклась от своих мыслей, внимательно посмотрела на Захара и отчетливо поняла, что с его появлением моя привычно размеренная жизнь закончилась. Я видела, как он расслабился, скинув решение своих проблем на меня. «Он – твой жизненный урок, девочка. Ты – сильная, он же всегда будет нуждаться в чьей-то помощи. И представь – рядом найдется тот, кто ее окажет! Но не он твоя судьба, вместе вам не быть. Ты сможешь жить только с равным. Вот тогда будешь счастлива», – жестко сказал мне отец, вытирая шершавой ладонью слезы с моих щек. Мне было пятнадцать, я что-то зло возразила, оттолкнув его и тут же посчитав врагом.

Замкнувшись в себе, я больше ни с кем Захара не обсуждала. Но по-прежнему старалась быть рядом с ним, пусть в качестве друга. Жанну, как ни странно, соперницей не считала, хотя все: и одноклассники, и учителя – давно уже нарекли Тальникова и Каверину парой. Я же твердо была уверена в одном: любви у Жанны к Захару нет, как нет ее и у Захара к Жанне…

– Спасибо, Лянка, вкусно! Давай выдвигаться, темнеет уже. – Захар отодвинул пустую тарелку. – Посуду помыть?

– Если не лень.

– Обижаешь! Что же я, безрукий совсем? – снисходительно произнес он, беря в руки поднос.

Глава 3

Мы благополучно миновали пост, обогнули по околице село Пенкино, дальше до леса дорога шла вдоль поля.

Я жалела об одном – предупредить деда о приезде гостя не могла: сотовой связи на даче не было. Впрочем, проводной тоже. А реакцию Егора Романовича предсказать не бралась. Но отчего-то волнения не испытывала, беды не чуяла, поэтому лишь искоса посматривала на задремавшего на пассажирском сиденье Захара. Найдя взглядом ту самую, некогда алую ленточку, крепко привязанную к ветке, я уверенно свернула в лес.

Продуктов набрала дня на три, сама остаться планировала лишь на одну ночь, малодушно решив сбежать – пусть уж стар и млад как-то сами уживаются. Дед, конечно, будет по возможности избегать общения, запираясь в бывшей родительской спальне, которую я отдала ему в пользование. Или в мансарде, где расположился со своими бумагами. «Хотя нет, в мансарду придется заселить Захара. Спать на продавленном диване, конечно, некомфортно, но потерпит!» Я даже улыбнулась, вспомнив обитого черным кожзаменителем «монстра» с высокой спинкой-полкой и жесткими валиками. Этот диван по замыслу родителей должен был стать для маленькой Ляны Голгофой: наказав за провинность, меня, совсем малышку, отправляли «страдать» в одиночестве в ман-

сарду. Игрушек в комнате не было, читать я еще не научилась, поэтому в сторону книжного стеллажа даже не смотрела. Забравшись с ногами на диван, какое-то время развлекалась тем, что наблюдала за играющими без меня друзьями – качели и песочницу для дачной малышни отец соорудил недалеко от нашего дома. Но, довольно быстро устав от бессмысленного занятия, засыпала на широком сиденье дивана, свернувшись калачиком и положив голову на валик…

Я вдруг подумала, что дом без надлежащего ухода простоит еще не так уж и долго, старика на зиму там я не оставлю – прогреть даже одну комнату электрическим обогревателем в морозы нереально. Да и ездить к нему с продуктами и канистрами бензина для генератора я смогу лишь до первой осенней хляби. Егор Романович вынужден будет согласиться перебраться в город. «Или уйдет совсем? Куда? Возможно, есть родственники, от которых и сбежал в чем есть? Хороши же они, в таком случае! Похоже, деду и так досталось, а я ему еще жильца подселю! Неделю, возможно, они друг с другом выдержат… а что дальше? Если я не разберусь за это время? Да и в чем разбираться, если очевидно, что Захар буквально приложил руку к смерти Жанны?» Вдруг почувствовав сильную боль в затылке, я резко затормозила и заглушила двигатель. Картинка, мелькнувшая перед закрытыми глазами, была четкой: человек, неспешно спускающийся по знакомой мне уже лестнице, был весь в сером. И в темных очках. И это все, что я успела увидеть. Боль отступила,

я повернулась к Захару, только что возмущенно выдавшему популярное «блин».

– Прости. Скажи, у тебя есть серый спортивный костюм? – спросила я.

– Что? Какой костюм? А… есть… два! Оба серые. Тебе зачем? Все равно они остались в доме. А я туда теперь ни ногой, – испуганно вскинулся тот.

– Ты заезжал сегодня домой? Днем, например. Пообедать?

– Нет, конечно, – как-то неуверенно ответил Захар. – Пилить по пробкам полтора часа из центра? С ума не сошел пока. Лянка, не мути, говори уже, что тебе до моего барахла? Не просто так я лоб расшиб, когда ты тормознула!

– Пристегиваться нужно, – думая о другом, машинально ответила я. – Кто-то был днем на втором этаже твоего дома. Потом спускался вниз. Одет в светло-серый костюм, кроссовки, темные очки. Очки… в помещении? Странно, не находишь?

– Почему днем?

– В окно, что между этажами, светило яркое солнце. А в четыре часа дождь пошел.

– И где все это «светило и бродило»? У тебя в голове? – насмешливо произнес Захар.

Вот. Собственно, поэтому у меня нет близких. В принципе. Когда-то шуточки в мой адрес я переносила болезненно. Ранили недоверие, следующий за ним испуг, а потом резкое

охлаждение в отношениях. Люди, вывалив на меня свою беду, уходили жить дальше, я же еще долго вспоминала каждого. Проигрывала в уме все сеансы, анализировала и пыталась понять – что сделала не так? Чем обидела? Много взяла? Так не прошу оплату за гадание совсем, кто что принес – спасибо. Иной раз дары по соседям приходится раздавать. Однажды решилась задать вопрос Тате. «Поставь себя на их место – перед тобой человек, от которого скрыть грешки невозможно. А они у всех есть! Кто такое вытерпит? Мать твоя поэтому и сбежала на чужбину со своим немчиком. Говорила, как голая перед тобой по дому ходит. Такие же слова я слышала от нее и о Шандоре, твоем отце. Веруня хотя и подруга мне, но скажу – не любила она его и боялась до смерти. Потому что так и не поняла – как замужем за ним оказалась? Морок накатил, а очнулась – тебя уже в животе носит», – откровенно призналась она, глядя на меня с жалостью. «А ты почему не сбежала? Живешь в моем доме столько лет!» – «Куда мне? Сама знаешь – не могу одна…» Конечно, я знала. С того дня, когда Тата, избитая мужем, появилась у нашего порога. Мама, открыв дверь, едва успела подхватить ее под руки, так та была слаба. А я потом плакала, когда «видела», как амбал за сотню кило весом как тряпичную куклу кидает из угла в угол субтильную Тату. И причину этого зверства знала – изменила та ему, не подумавши…

– Лянка, ты прости меня. Не понимаю я этих твоих… видений! – В голосе Захара было столько раскаяния, что я

усмехнулась.

– Не понимаешь, так просто слушай и отвечай на вопросы! – спокойно попросила я. – Тем более тебя касается. Вспоминай, у кого-то из вашей прислуги или соседей есть серый спортивный костюм? Кто мог вот так запросто по вашему дому в нем шастать?

– Ну ты спросила… Горничная в униформе ходит, больше женщин у нас нет. Не терпит Жанку никто, уходят. Повар в белом костюме, садовник в зеленом, получается, кроме меня, некому в сером трико… шастать! Стоп! Да сегодня вообще никого не должно быть – Жанка всех отпустила! Тусовка планировалась с ее матерью и Фандо в его новом клубе на всю ночь. А Жанка нажралась, зараза! А потом и того…

– У нее есть любовник? – в лоб спросила я.

– Считаешь, был? – вроде задумался Захар. – Черт ее знает, мы же не спим давно. Может, и завела кого. Так-то живем в одном доме, играем в семью. По привычке, наверное. Мне кроме работы не нужно ни фига, да и ей – кроме пойла. Дом принадлежит ее матери, денег на его содержание ни у Жанки, ни у меня нет. Сейчас Жора спонсирует Гелу, его не будет – та еще кого-нибудь найдет. Тошно мне там, Лянка.

– Уходи. Что держит? Некуда?

– Почему? Квартира родительская пустует. Помнишь, на Вознесенской?

Ох, не стоило меня возвращать так резко в сталинскую трешку с трехметровыми потолками и полукруглыми бал-

конами. И особенно в его, Захара, комнату. А именно туда перенесла меня сейчас чертова память. Я даже ощутила на миг тот свой сладкий страх – я знала, что произойдет через несколько минут. Мне бы бежать, не переступив порога комнаты, тем более я была уверена, что Захар удерживать не станет. Пока не станет. Еще минута, две… Пытаясь шире открыть передо мной створку двери, он нечаянно вскользь касается моей груди, на миг замирает и с удивлением всматривается в мое лицо, словно не узнавая. Недоверчиво хмурится, берет за руку и ведет за собой… Мы лежим на его кровати и неумело целуемся, открывая для себя что-то новое… Звонок домашнего телефона возвращает нас в действительность. Захар срывается в соседнюю комнату к аппарату, я же, обувшись, трусливо сбегаю. Всю дорогу до дома меня мучает вопрос – что это было?

– Прости… ты тогда удрала… Почему? – Оказывается, он думает о том же самом!

– Не помню. Да и какая теперь разница? Все, подъезжаем. Обогнем озеро, а там и дом.

– Расскажи об этом… дедке. Как мне к нему обращаться? Или ты уже говорила? Я что-то пропустил…

– Он назвался Егором Романовичем. Встретила вот на этой дороге, шел к кому-то на дачу. А там уже почти никто не бывает, дома заколочены. Пустила к себе.

– Он тебе совсем-совсем никто?!

– Никто! Ему жить негде, как я думаю. Или от родствен-

ников сбежал, или выгнали. Я не спрашивала, сам не рассказал.

– Добрая ты душа, Лянка… Я бы так не смог! Какого-то бомжа…

– Он не бомж! Просто так сложилось. Какая тебе разница?

– Не прирежет?

– Не идиотничай, Тальников! Я с ним оставалась в доме на ночь много раз. Как видишь, жива. Предупреждаю сразу – в политические споры с ним не ввязывайся, он старой закалки коммунист.

– Ого! Сильно! В партию агитировать будет, – продолжал хохмить Захар, а мне вдруг стало жаль деда. Жизнь к концу, а все вокруг разрушено – ни идеалов, ни порядка в стране, ни совести и чести у потомков.

– Хватит, уймись. Пишет он себе мемуары – пусть и пишет. Не лезь к нему с вопросами, прояви вежливость – глядишь, мирно просуществуете до твоего отъезда.

– Уже гонишь… Даже не поселила еще, а уже дни считаешь, когда я свалю, – с обидой произнес Захар, отворачиваясь к окну.

Я никак не отреагировала на его упреки, на самом деле не заглядывая так далеко. Самым важным на сей момент казалось разместить в доме Тальникова, чтобы никак не ущемить интересов Егора Романовича.

– А я уже забыл дорогу, – перевел Захар тему. – Сколько раз я здесь был?

– Два, – коротко ответила я, гоня от себя и эти воспоминания.

Нарастающая по мере приближения к дому тревога заставила меня на какое-то время забыть о сидящем рядом Захаре. Восемь лет назад, в августе две тысячи двенадцатого, я вот так же, на очень небольшой скорости, словно нехотя, двигалась вдоль озера, всматриваясь в очертания дома. Только тогда шел дождь. Лобовое стекло машины становилось прозрачным лишь на короткий миг после энергичного движения «дворников». И сразу же делалось мутным. В одно из мгновений я все же успела разглядеть настежь открытое окно мансарды. Этого не могло быть, я все окна закрыла, когда накануне уезжала, так и не дождавшись отца. Я была уверена – тот уехал в город. «Если только он вернулся?» – мелькнула радостная мысль, но тревога стала еще сильнее. Вот я приближаюсь к крыльцу, выключаю двигатель, опускаю стекло. Чуть левее сосны лежит человек. Точнее – мертвое тело. Я знаю, кто это…

– Лянка, очнись, ты уже с дороги съехала, по поляне чешешь! А кругом – деревья! Я так понимаю, нам туда, а не в лес! – Захар вытянул руку в сторону дома.

– Прости, задумалась. – Я вырулила на дорогу.

– С тобой опасно. – Он покосился на руль. – Прыгаешь между мирами, что ли? Не забывай, рядом человек, который никак не хочет стать трупом!

Я сочла за благо промолчать.

Припарковаться на обычном месте не удалось: Егор Романович начал строительство навеса над стоянкой, балки и доски лежали на засыпанной гравием площадке. Я проехала прямо до крыльца.

– Что это?! – Захар подался всем корпусом вперед. – Ноги чьи торчат, деда, что ли, твоего?!

Мы подошли к месту одновременно, Захар тут же упал на колени, протянул руку к шее деда, нащупал пульс. Напрасные телодвижения – я знала, что Егор Романович мертв. Тело лежало почти на том же месте, где я тогда нашла отца. Я задрала голову – окно мансарды было открыто настежь.

Глава 4

– Полицию нужно вызывать, да? – Захар, поднявшись, обреченно махнул рукой. – Скрылся, блин, от правосудия! Сейчас понаедут…

– Не мельтеши, сядь в машину. Здесь связи нет, нужно вернуться хотя бы до трассы. Я тебя высажу у села, найдешь остановку, на автобусе доедешь до центра города. Вот, возьми ключи, будешь ждать меня дома. Тебя здесь не было, понял? – Я старательно затаптывала следы его сандалий на влажной земле.

– А у тебя, типа, меня не найдут? Соседи сплошь безглазые и глуховатые? Или ты меня в невидимку превратишь?

– В моей квартире столько народу за день бывает, что они и внимания не обратят.

– Типа клиенты? Как у тебя бизнес-то налажен… Кто бы мог подумать, что ты станешь такой деловой, – недоверчиво произнес Захар, чем весьма меня разозлил.

– Это не бизнес, Тальников.

– А что? Деньги же ты с них берешь? Может, и я должен?… Или так помогаешь, как старому… другу?

– Беру, если дают. Чаще продукты приносят. Соседи довольны, – игнорируя его хамство и думая о другом, ответила я. Осматриваясь, я пыталась понять, все ли следы сандалий Тальникова удалось затоптать.

– Раздаешь, что ли? Зачем?! – с удивлением воскликнул он.

– Что же мне, магазин открывать? Физически такое количество пачек кофе, чая и конфет я потребить не в силах. Все, закрыли тему, – грубо оборвала я: мне надоел этот бессмысленный диалог.

– Ладно, Лянка. А ничего, что я тебя подставляю? Ты сообщница, получается. Тяжкого преступления, – уже тоскливо заныл мой бывший одноклассник. – Я не хотел, ноги сами к твоему дому принесли. Вот правда, ей-богу.

– Бога всуе не поминай! И не ври, Тальников. Никогда мне не ври! Ты приехал ко мне, потому что вспомнил об этой даче. Вполне себе трезвое решение для человека, считавшего, что только что убил свою жену. И ты точно знал, что я тебя не сдам, – жестко высказалась я и вздохнула. – И я постараюсь тебе помочь, – добавила примирительно.

Я с болью смотрела на побледневшего Захара. Чувствуя его страх, понимала, что сейчас, именно в эту минуту он должен приять решение – сдаться в полицию или довериться мне. Оба варианта его пугали, но последствия первого были ясны, чего же ожидать от меня – он не ведал. Но сделать выбор за него я не могла.

Он молча залез в машину на заднее сиденье. Я, пройдясь по его следам, обошла ее и села за руль, но трогаться с места не торопилась.

– Захар, восемь лет назад я нашла здесь мертвого отца.

Практически на этом же месте. Он выпал из окна.

– Вот ты ж… Елы-палы… Это как же?!

– Полиция решила, что это было самоубийство. Он сильно пил…

– А ты?! Поверила?! Ты ж… должна видеть была! Раз ведьма!

– Да, мелькнула картинка – кто-то его сбросил вниз. Только следователь меня не послушал, посчитал за чокнутую. Вот как ты сегодня.

– Давай без обид. Я ж извинился, лады? А деда, выходит, тоже в самоубийцы запишут? Но он же не сам? Там кровь вроде.

– Не знаю… Ладно, пора уезжать. – Я завела двигатель.

Захар молчал, я тоже. На душе было гадостно, и виной тому был он, а не найденный только что труп старика. У меня вдруг появилось сомнение, а нужно ли мне разбираться, Тальников ли убил жену или тот мужик в сером. В конце концов, это дело полиции. Вдруг появилось чувство, что косвенным образом так бесцеремонно ворвавшийся со своими проблемами в мою жизнь Захар – всего лишь трамплин для наступления каких-то более важных событий. Я была почти уверена, что тому ничего серьезного не грозит, даже если некий Фандо, которого Тальников так опасается, сочтет его за убийцу дочери своей любовницы. Господи, да никакой этот трус не убийца, видно сразу. Разберется, и очень быстро, в этом и Фандо! Я, конечно, помогу Тальникову. Но

уверена, тот тут же схлынет из моего окружения, возможно, сказав на прощание: «Спасибо, Лянка, друг!» И я о нем забуду – ну, был и снова нет. А что такого знаменательного ждет меня далее? Связано ли это с дедом?

Я почувствовала холодок вдоль позвоночника – верный признак правильности моих предположений.

Высадив Захара у околицы Пенкино, я отъехала по трассе от этого места еще метров двести и только тогда набрала номер полиции. Ждать пришлось недолго, темная «десятка» припарковалась за моей машиной, и… я услышала знакомый голос – майор Сотник, циничный и наглый тип, записавший моего отца в самоубийцы! Я до сих пор помнила свою бессильную ярость, когда тот, насмешливо глядя мне в глаза, совсем по-детски покрутил пальцем у виска, обозвав шарлатанкой. А я пыталась описать ему то, что мысленно увидела: из окна отца выбросил мужчина, который был на голову его выше. И я была уверена, что к окну его тот притащил уже мертвого.

– Почему-то, когда мне дежурный передал сообщение о преступлении на дачах у Агатового озера, сразу вспомнил вас, Ляна Шандоровна. – Сотник на этот раз был серьезен, в голосе даже слышалось сожаление. – Здравствуйте.

Проигнорировав протянутую им руку, я открыла дверцу своей «Ауди».

– Дорогу показать или впереди поедете? – вместо ответного приветствия произнесла я, усаживаясь за руль.

– За вами, – бросил он уже через плечо, повернувшись спиной.

Вот и ладно. В этот раз даже не буду пытаться помочь. Никаких видений и предположений. Впрочем, их и нет. Еще меньше часа назад, глядя на тело деда, я вновь пыталась «считать» информацию, я даже рискнула взять его за похолодевшую руку. Но ничего не получилось. Даже мертвый, тот был закрыт плотной защитой, выставленной, в чем я была уверена, им самим. «Кто же ты такой, Егор Романович? От кого бежал? И почему на наши дачи? Откуда ты вообще знаешь об этом поселке?» – уже в который раз задавалась этими вопросами, но ответов как не было, так и нет. Практически сразу мысли переключились на отца. Меня не покидала уверенность, что была какая-то связь между этими преступлениями. Но какая именно – я не знала. Возможно, эти двое – мой отец и Егор Романович – быть знакомы? Несмотря на разницу в возрасте. Все-таки папа несколько лет жил здесь один. Дед же, что очевидно, бывал в поселке не раз. Почему бы им и не встретиться однажды?

Тогда, в лесу, найденный без сознания старик вдруг показался мне знакомым – то ли из прошлых жизней, то ли из глубокого моего детства. Нужно признать, именно это и толкнуло меня на безрассудный с точки зрения обывателя шаг – пустить чужого, не сказавшего о себе ни слова и не имеющего документов человека в свой дом. Прав Тальников, риск, конечно, был. Но раздумывать было некогда: решив,

что расспрошу старика потом, я отвезла его в поселок. От больницы он сразу, как очнулся, отказался наотрез – позже я поняла, почему. Он был голоден, обессилен, но удивительно здоров для своих семидесяти пяти лет.

Я еще раз прокрутила в голове тот короткий диалог с Егором Романовичем, начавшийся с его брошенной с грустью фразы: «Все изменилось…» Имел ли он в виду конкретно это место или же сожалел о прошлой жизни вообще, я тогда так и не поняла. Поэтому, решив уточнить, тут же поинтересовалась, бывал ли он на дачах раньше. Ответа не последовало, дед лишь неопределенно пожал плечами. Тогда я подумала, что нужно дать ему время, и он расскажет о себе сам. Но откровенности с его стороны так и не дождалась. «А теперь он мертв, а я должна буду Сотнику доказывать, что я в своем уме. Пригрела бомжа… Опять покрутит пальцем у виска, факт!» – с досадой подумала я, бросив взгляд в зеркало заднего вида. Сотник, оторвав руку от руля и высунув ее в окно, помахал мне раскрытой ладонью.

Подъехав к дому, я поставила машину точно на то место, где и час назад. Сотник припарковал «десятку» ближе к дому, рядом с ним встал микроавтобус. Вежливо и холодно попросив меня подняться на крыльцо и ждать его там, он подошел к телу Егора Романовича, около которого уже находился эксперт.

Влажная вечерняя прохлада гнала меня в дом – мой постоялец по надобности топил камин, поддерживая комфорт-

ное тепло. Я уже было потянула на себя ручку входной двери, она оказалась незапертой, что, впрочем, удивления не вызывало – замок закрывался на три оборота лишь тогда, когда я уезжала в город. Отправляясь на источник за водой или на прогулку в лес, дом я оставляла открытым. Егор Романович, как мне казалось, дальше мостков у озера никуда не ходил.

– Подождите! – остановил меня властный голос Сотника. – Давайте рассказывайте все по порядку, Ляна Шандоровна. Кем вам приходится этот человек? – кивнул он в сторону трупа.

– Его имя – Егор Романович. Возраст – семьдесят пять. Больше ничего не знаю. В конце мая подобрала в лесу голодного и обессиленного, когда ехала на дачу. При нем был старый портфель, в нем папки с бумагами и несколько фотографий. Да! Еще несессер. – Я поежилась. – А нельзя… допросить меня в доме? Прохладно…

– Бомж, что ли? – проигнорировал мою просьбу майор и бросил на меня недоверчивый взгляд. – И вы его вот так запросто оставили здесь жить?! Неосмотрительно… А что в папках?

– В одной – старые пожелтевшие листы с печатным текстом, какие-то списки и больше ничего. Он сам мне показал содержимое. Что в остальных, я не знаю, – призналась я. – И – да, вот так просто пустила жить! Что странного-то, не понимаю? Обыкновенное человеческое участие.

– Ну, допустим, продолжайте. Позже что-то добавил? На-

пример, фамилию, откуда он…

– Повторяю – все, что мне известно на сегодняшний день: имя, отчество, возраст. Все. На мои вопросы Егор Романович отмалчивался, а я не настаивала. Приезжала с продуктами, иногда оставалась ночевать.

– Еще и кормили за свой счет! Почему в полицию не сообщили или в город не отвезли? Может быть, ищет его кто? Это как-то негуманно, вам не кажется, Ляна Шандоровна? Человек в годах, мало ли… в памяти провалы. Знаете, сколько таких… потеряшек?

– Послушайте, Михаил Юрьевич! Почтенный возраст Егора Романовича еще не повод записывать его в маразматики. Я уверена, доведись вам с ним сыграть партию в шахматы, вы бы гарантированно проиграли. Общаясь с ним, я поняла, что у деда высшее образование. Возможно, не одно. Вам и рядом не стоять, – выпалила я и замолчала, поняв, как по-хамски прозвучала последняя фраза.

– Зачем вы так, у меня тоже не одно! И разряд по шахматам! Я в кружке занимался!

Я с удивлением посмотрела на всерьез обидевшегося сорокалетнего мужика и чуть не рассмеялась – в голубых глазах Сотника застыло непонимание.

– Это, конечно, радует, – насмешливо заметила я. – В любом случае, без желания Егора Романовича я никуда сообщить о нем не могла. А он явно не хотел, чтобы о месте его пребывания узнали. Причину не спрашивайте – не ведаю.

– Странно все это. Ну, теперь пройдемте в дом, покажете, где обитал пострадавший. И папочки заодно посмотрим.

В первую очередь я привела Сотника в мансарду, где дед проводил практически весь день. В комнате царил идеальный порядок. На письменном столе стопками лежали книги, раскрытая тетрадь белела чистыми страницами. По просьбе Егора Романовича, еще тогда, в мае, я привезла ему пачку шариковых ручек и маркеры. Несколько школьных тетрадей в клеточку он обнаружил в тумбе стола. «Попробую мемуары писать, как все бывшие… Впрочем, не важно. Чем-то мозг нагружать нужно!» – прокомментировал он свою просьбу. «Где вы работали, Егор Романович?» – тут же спросила я. «Да… не важно. А вот начал взрослую жизнь с того, что подростком украл коня!» – впервые за все время улыбнулся он и тут же сменил тему – попросил показать подвал, где находился бензиновый генератор.

Вспомнив, как ярко светились поздними вечерами окна домов во времена моего детства, я невольно вздохнула. Деревянные столбы, по которым когда-то тянулись электрические провода, и сейчас стояли вдоль «тротуара» – дощатого настила, идущего от дома к дому. Параллельно ему шла укатанная машинами колея, сейчас напрочь заросшая травой и кустарниками. Сам настил местами сгнил, а балки под ним вросли в землю. Те коттеджи, что были построены ближе к непроходимой чаще, необитаемы стали еще года три назад – подобраться к ним на колесах стало невозможным. Хотя

однажды, в начале прошлого лета, я из бокового окна мансарды наблюдала, как молодая пара выгружала из багажника «Жигулей» вещи и пакеты с продуктами. По тропинке парень относил их к одному из заколоченных домов. Я хорошо помнила прежних хозяев: в детстве их внучка была моей подружкой. Мелькнула мысль – не она ли это с мужем? С такого расстояния узнать было невозможно, я решила, что схожу к ним завтра утром. Но они задержались лишь до сумерек – сидя за обеденным столом, я наблюдала, как «Жигули» проехали мимо нашего дома, не остановившись.

Кто-то еще, возможно, наведывался в свои владения и в мое отсутствие: лес вокруг был богат грибами. Громов както при встрече упомянул, что привозил на «тихую охоту» жену бывшего маминого начальника с подругой. В тот же день наведывались и Четверговы – пожилая пара, самые ближние наши соседи. Больше ни о ком из наших общих знакомых я от него не слышала.

С месяц назад, доставив деду свежие продукты, я прошла по остаткам настила довольно далеко к лесу, но так и не рискнула в одиночестве дойти до крайнего коттеджа: Егор Романович составить мне компанию отказался. Прогулку совершила скорее от безделья, чем из любопытства. И лучше бы мне этого не делать – картина полной разрухи до сих пор стоит перед глазами…

Я присела на диван, Сотник же, замерев в центре комнаты, внимательно осматривал обстановку. Да, наша семья

обходилась без излишеств, и даже, как я сейчас понимаю, без элементарного уюта. Казенная мебель, большей частью изготовленная в пятидесятых годах прошлого столетия, отсутствие каких-либо вазочек и статуэток на полках, вязаных салфеток и вышитых скатертей на столе. Не было на стенах и ни одной фотографии либо картины. И о чем сейчас думает Сотник, осуждающе покачивая головой, понятно.

– Ничего за восемь лет не изменилось, Ляна Шандоровна! Просто дежавю. Единственная разница – канцелярия на столе. Помню, тогда стояла лишь пепельница. Кстати, ваш дедок не курил случаем? И как насчет этого дела? – Майор двумя пальцами щелкнул себя по горлу. – Не редкость для людей такого сорта.

– Да что ж вы его все в клошары записываете, Сотник! – со злостью произнесла я. – Егор Романович был интеллигентным, чистоплотным стариком. Не пил и не курил. Поэтому и дожил до преклонных лет. А вот вам это не грозит.

– Это почему же? – все с теми же нотками обиды в голосе спросил Сотник. – И я…

– Характер у вас… желчный! И работа вредная, – перебила я его. – По шкафам лазить нет желания? А то пойдемте вниз – там спальня, где старик отдыхал. Бывшая папина, – зачем-то добавила я.

– Желания шарить по чужим шкафам нет, есть обязанность. – Майор достал из кармана перчатки, натянул на руки, взял со стола тетрадь. – Чисто. Чем, говорите, старик свой

досуг заполнял?

– Он писал мемуары, – чуть не с гордостью произнесла я.

– Похвально. И сколько времени он у вас обитает?

– С конца мая… Чуть больше двух месяцев.

– И ни строчки не накропал? Вам не кажется это странным? – Он развернул ко мне тетрадь и быстро пролистал пустые страницы.

– Где-то должна быть по крайней мере пара тетрадей. И смотрите, из этой тоже вырваны листы. Думаю, искать написанное бессмысленно. Их унес, скорее всего, убийца. Как и папки, коих на столе не наблюдаю. Посмотрите по ящикам. В верхнем дед хранил фотографии.

– Вы видели, кто на снимках?

– На одной – молодой Егор Романович. Остальные – групповые. Лица мелкие, думаю, среди них он тоже есть. Я не рассматривала, даже в руки не брала.

– И здесь деликатность проявили, понимаю, – то ли насмехаясь, то ли упрекая, констатировал Сотник.

– Опять что-то не так?

Сотник не ответил. Я молча наблюдала, как он выдвигает ящики стола, просматривает содержимое – давно пришедшие в негодность канцелярские товары, старые альбомы с моими рисунками и нотными диктантами, тетрадные листы с первыми каракулями. Я не сомневалась, что Егор Романович в эти ящики даже не заглядывал, использовал лишь верхний. Тогда, в мае, я, помню, пыталась освободить для него все че-

тыре, отправив в мусор, как мне казалось, хлам. «Не выкидывай! Оставь рисунки на память. Для сына», – остановил меня он. «Нет у меня детей! И не будет!» – отговорилась тут же я, внутренне холодея и глядя на него со страхом…

Глава 5

Не обнаружив искомое в ящиках стола, Сотник уже рылся в бельевом шкафу, перебирая по одному пододеяльники, когда я не выдержала и вышла из комнаты, сообщив, что буду ждать на кухне.

– Только ничего там не трогайте! – донеслось вслед.

«Не вам решать!» – со злостью пронеслась крамольная мысль, хотя я понимала, что как раз здесь и сейчас все решает именно он. Нет, я не боялась майора – пугало то, что за последние несколько часов я проявила кучу несвойственных мне эмоций, в том числе досаду и злость. «Если берешься решать чьи-то проблемы, дочь, помни – голова и сердце должны быть холодными!» – внушал отец, когда я слишком сильно переживала, сидя на его сеансах. Я честно старалась отвлечься, но это плохо получалось. Срывы у меня бывают и сейчас…

Уверенность, что деда убили из-за записей в тетрадках и содержимого папок, росла – загадочное его прошлое, в ответ на вопросы о котором тот отмалчивался, тому подтверждение. Сотник, вне сомнений, это тоже понял.

Осталось выяснить, за что восемь лет назад поплатился жизнью отец. В тот день, не поверив в версию тогда еще капитана Сотника о самоубийстве, я решила сама тщательно осмотреть весь дом. Тем более что рвения в этом вопросе

тот не проявил. А я была уверена, что следы пребывания постороннего человека непременно найдутся. Я бы помогла в поисках, но Сотник торопился, откровенно игнорируя мои предположения и просьбы. Я даже не вышла его проводить, когда он собрался уезжать. Смутно представляя, что же могу обнаружить, начала с довольно большого чулана под лестницей на второй этаж. Безрезультатно – только мои игрушки, пара поломанных стульев, сундук с почти истлевшим тряпьем, медный самовар на круглом одноногом столике и стопки журналов «Веселые картинки» на стеллаже. Заинтересовала меня лишь старая канцелярская папка на нижней полке. И то потому, что на ней не было пыли. Внутри папка оказалась пустой, от бумажной наклейки с какой-то надписью осталась пара клочков в местах, где капнули клеем. В нижнем правом углу чернилами написано число «23». Все. Я закинула папку обратно на полку.

Кто здесь копался? Отец? Или уже его убийца? Чулан запирался на задвижку, войти мог кто угодно. Почему тогда Сотник даже не заглянул под лестницу? Ах да… самоубийство же! Труп некриминальный… После я методично обошла все комнаты. Проверив, все ли книги на стеллажах, цела ли посуда в буфете, я поняла, что это не ограбление. Да и что могло бы еще заинтересовать вора – ценностей, понятно, в дачном доме никто не держал. Я вспомнила, что накануне, не дождавшись его, я не обнаружила никаких следов пребывания женщины, и мне это показалось странным. Я была

уверена, что отец живет не один, ведь сама же перестала навещать его именно потому, что однажды обнаружила чужую бабу в его спальне. Выгнал свою зазнобу? Или она бросила окончательно спившегося мужика? Нужно было бы спросить у Громова, но на следующий день мне было уже не до вопросов, я нашла тело отца. Хоронили его на сельском кладбище только мы с Татой и Павел Андреевич, которому я позвонила, – тот в это время был в городе. Маме о смерти бывшего мужа сообщили уже после: обе были уверены, что из Германии она на похороны не поедет. А вскоре я отбыла из родного города на учебу в нижегородскую консерваторию…

«Почему все же у меня не проходит ощущение, что обе смерти связаны?» – подумала я, машинально отодвигая щеколду на двери чулана и щелкая выключателем. Лампочка под потолком прощально вспыхнула и погасла. Осветив фонариком телефона стеллаж, на нижней полке я обнаружила все ту же картонную папку. Я аккуратно ухватила ее за угол и вышла из темного чулана на свет – и вновь поверхность была чиста от пыли. На этот раз я была уверена, что брать в руки ее могли лишь два человека – Егор Романович или его убийца. Напрасно я торопилась развязать простенький бантик – внутри по-прежнему ничего не было. Ни листочка…

Я положила ее на стол. Старый пожелтевший картон, обтрёпанный по углам, веревочные завязки, изгибы заклеены полосками коленкора – видимо, чтобы скрепить развалившиеся части. Даже предположить не бралась, какого года вы-

пуска это канцелярское изделие! Под надписью «Папка для бумаг» – клочки бумажной наклейки. На одном – заглавная «З», на другом, чуть ниже, – «ль». В правом нижнем углу фиолетовыми чернилами написан номер – «23». Я перевернула папку – ОСТ, артикул, цена (15 копеек!), типография издательства «Сов. Сибирь». Несомненно, эту же папку я видела и в день смерти отца. Сделав несколько фотографий, я уселась за стол в ожидании Сотника.

Он спустился со второго этажа, когда я, задумавшись, теребила совсем уже растрепавшиеся тряпичные завязки. Мысли перескакивали с предмета на предмет, и самая здравая, пожалуй, была о чае. Очень хотелось свежезаваренного, кипяточно-горячего из моей любимой керамической кружки с принтом милой собачьей морды. И еще я бы съела пряник. Тульский медовый с прослойкой из яблочного повидла. Любимый мною и, как выяснилось нечаянно, Егором Романовичем тоже. Только пакеты с продуктами и, соответственно, пряниками остались в машине.

Неожиданно нахлынула горечь потери – все-таки привыкнуть к спокойному, умному и чистоплотному старику я успела. И кому он мог помешать, не представляла. Единственное, что приходило в голову, – его выследил-таки тот, от кого он бежал в нашу глушь.

– Я вижу, мое предупреждение ничего не трогать вас не остановило? Где папочку надыбали, Ляна Шандоровна? И схватили без перчаток! – По лестнице не спеша спускался

Сотник.

Пожав плечами, я кивнула на открытую дверь чулана. Майор тотчас заглянул внутрь.

– На нижней полке нашли? Что, раньше ее там не было? Угадал? Нет? И, конечно же, внутри пусто. Есть версии, откуда она там появилась? И когда?

– Когда? Она лежала там и в тот день восемь лет назад, когда вы так спешно покинули дом, толком ничего не осмотрев. – Я бросила укоризненный взгляд на Сотника. – А я после вашего отъезда искала следы чужого пребывания. На поверхности этой папки, как и сейчас, не было пыли, она так же была пуста. Тогда решила, что документы кто-то вынул. Зачем папку открывали сегодня, предположений не имею. Кстати, взяла я ее аккуратно за угол, так что отпечатков моих на поверхности не ищите.

– Посмотрим! – высказал сомнение майор, внимательно осматривая папку. – Завязочки вы растрепали или так уже было? Впрочем, не суть. Очень похоже, что папочка из архива, вот видите, в правом углу была тоже наклеена полоска бумаги. Не заметили? А между тем на этой полоске уместилось бы, например, слово «Секретно». Согласны? – Он ткнул пальцем в указанное место.

– Вам виднее. А вы все еще думаете, что мой отец сам ушел из жизни? – неожиданно перевела тему я.

– А вы уже связали обе смерти? Я бы сказал – преждевременно. Но давайте вернемся ко дню сегодняшнему. Напом-

ните-ка мне, что вы недавно говорили о содержимом папок вашего гостя?

– Егор Романович в первый день показал мне бумаги лишь мельком. Списки от руки, документ на бланке. А однажды я видела разложенные на столе в мансарде отдельные листы. Текст на них отпечатан на компьютере, но были и рукописные. В стороне лежала целая стопка, на верхнем я заметила печать синего цвета, а рядом подпись. Бросилась в глаза – размашистая, а непонятная: одни закорючки. А вот расшифровка подписи – Ларин. Инициалы не запомнила. Текст прочесть не удалось: Егор Романович, заметив мой пристальный интерес, быстро убрал бумаги в ящик стола.

– Спрашивали у старика, что за документы? Или, возможно, сами как-нибудь потом подсмотрели…

– Даже не пыталась! Позвала на ужин и ушла, – ответила я резко.

– Экая вы нелюбопытная! Жаль! И фотографии-то вы не рассматривали… – искренне посетовал Сотник.

– Вас не смущает, что все это – личное? И совать нос без разрешения просто непорядочно.

– А расскажите-ка мне о вашем отце Шандоре Бадони, – проигнорировал он мое замечание. – Все, что запомнилось с детства.

Я недоверчиво смотрела на Сотника, оседлавшего венский стул. Неужели? А как же «он сам», «труп некриминальный» – это было сказано с досадой, без попытки скрыть отно-

шение ко мне как к сумасшедшей. Никак не меньше! «Чокнутая дамочка с потусторонними заморочками», – шепнул он эксперту, скосив на меня глаз, а тот лишь понимающе улыбнулся. Тогда, нечаянно подслушав эту фразу, я даже не разозлилась. Нет, злость была – но на себя: я так и не научилась принимать тот факт, что понимать это «потустороннее» дано далеко не всем.

– Зачем вам?

– Для информации. Рассказывайте! – уже жестко приказал он.

– Я жила с родителями в этом доме до семилетнего возраста. Папа на дачах был кем-то вроде смотрителя – тогда в поселке такого запустения не наблюдалось, хотя обитатели появлялись здесь наездами. Летом – да, все дома были заняты, некоторые жили до самых холодов, но зимой семьями приезжали лишь отметить праздник и покататься на лыжах по лесу. Я целыми днями была с отцом, мама работала в городе.

– Где?

– В архиве Комитета госбезопасности. Думаете, папку в дом принесла она?

– Вряд ли… Это же служебное преступление. Ваша мать жива?

– И здравствует. С новым мужем в Германии. Уже десять лет. С отцом они разошлись, когда моему брату исполнился год. Отец перебрался на жительство сюда, мы остались в го-

родской квартире. Что с ним стало, вы в курсе.

– То есть в момент смерти бывшего мужа ее в стране не было?

– Мы даже сообщили ей об этом постфактум.

– Мы?

– Я и мамина подруга Татьяна Новицкая, самый близкий нашей семье человек, – зачем-то уточнила я и на миг замерла, вспоминая, какое сегодня число. Двадцать первое! Тату выписывают из клиники послезавтра, а у меня этот факт просто вылетел из головы. Хороша…

– Итак, Шандор Бадони продолжал после развода сторожить дачи, я правильно понял? Но необходимости жить тут круглый год не было?

– Ничего он уже тогда не сторожил! Так, делал обход по привычке. Поселок отключили от электроснабжения где-то в конце девяностых. После этого число желающих провести здесь отпуск резко уменьшилось, порой дома стояли закрытыми все лето. Я думаю, официально отца уволили тогда же. Но нас никто из домов не гнал, каждое лето мы и еще несколько любителей дикого отдыха заново прогревали каминами холодные стены. Мама первая заговорила о том, чтобы прекратить это ежегодное глобальное переселение, а наезжать только по выходным. Тем более ее начальник посещал дачу крайне редко. А соответственно, и Громов, который, будучи водителем служебной «Волги», возил его и маму каждый день в город на службу, теперь пять дней в неде-

лю оставался в городской квартире.

– А сейчас, как я понял, верной дикому, как вы выразились, отдыху остались только вы?

– Можно сказать и так. Вы же видите, что сейчас здесь никто не живет. Изредка наезжает Павел Андреевич. Но в этом году я с ним еще не сталкивалась, хотя дом он, как я вижу, расконсервировал после зимы – мы окна и двери на зиму заколачиваем досками. А отец… После развода и до самой смерти он здесь просто жил.

– Потому что городская квартира принадлежала родителям бывшей жены… Ляна Шандоровна, а со своими соплеменниками он поддерживал отношения, вы не в курсе?

– Думаю, нет. О жизни в таборе, точнее в какой-то деревне, где цыгане жили оседло, отец вспоминать не любил. Да я особенно и не расспрашивала. Мне известно только то, что его родители умерли, когда он был еще младенцем, воспитывался он в семье дальних родственников. Отец покинул табор в шестнадцать лет, сам поступил в машиностроительный техникум, отслужил в армии, оставался даже на сверхсрочную. А к чему эти вопросы, Михаил Юрьевич?

– Восемь лет назад, накануне гибели Шандора Бадони, в селе Жуковка, что за Агатовым озером, произошло массовое столкновение местных русских и цыган, живших кучно на краю села. Знали об этом?

– Впервые слышу, – ответила я и закрыла глаза…

Я «увидела» пожар. Всполохи пламени были такими близ-

кими, что я невольно вскрикнула и отшатнулась от подскочившего ко мне Сотника. Картина пожара как бы отодвинулась, передо мной мелькнуло лицо молодого мужчины. В следующем «кадре» показалась рука, в которой был зажат горящий факел.

– Ляна Шандоровна, вам плохо?

– Все нормально, – еле выговорила я, резко стряхивая с плеч его руки.

– Ну, знаете… нормально! Видочек у вас – краше в гроб кладут, уж простите за сравнение. Привиделось что?

– Что произошло в деревне? – уточнила я.

– По версии следствия драку начал цыганский парень во время разборок причины пожара – сгорел дом их главного, баро. Сам он и его сестра не пострадали, но имущества лишились. За считаные минуты в противостоянии собралось около сотни человек с обеих сторон. Но перевес был на стороне русского населения. Дрались насмерть. Кто-то все же вызвал полицию. Но пока ждали наряд, цыгане, побросав имущество, разъехались кто куда. Сейчас, конечно, многие вернулись, но тогда опустели почти все дома на окраине Жуковки.

– И к чему вы мне это рассказали? – насторожилась я.

– А к тому, что имя баро – Тамаш Бадони. Это он воспитывал вашего отца после смерти его родителей.

Глава 6

Я ошеломленно молчала. Отец ни разу даже намеком не дал понять, что вырос в Жуковке, до которой из дачного поселка можно было добраться меньше чем за полчаса. Их разделяли озеро и лесная чаща. Но дорога была одна – по трассе, лесом проехать было невозможно. Частенько, возвращаясь в город, я делала небольшой крюк, заезжая в деревенский магазин за свежим хлебом. И знать не знала, что на другом конце Жуковки живут цыгане.

– О цыганских дедушке и бабушке вам тоже ничего не известно? Кстати, как они погибли, отец не рассказал? – отвлек меня от моих мыслей Сотник.

– Нет. Мне кажется, он и сам не знал.

– Ну, это вряд ли… Вот вы на меня обижены, что признал смерть вашего отца некриминальной, а я отработал все его окружение. Вы хотя бы в курсе, как он жил после развода с вашей матерью?

– Как жил… как все алкаши – от бутылки до бутылки. Я поначалу его регулярно навещала, но после того как… Впрочем, не важно…

– Нет уж, начали, так продолжайте!

– Однажды, застав его с женщиной, я решила, что теперь он в моих частых визитах не нуждается, – выпалила я на одном дыхании, не собираясь вдаваться в подробности.

…Сцена той встречи с отцом со стороны наверняка выглядела безобразно. Только зрителей не было. Или все же были? Когда я вошла в дом, первым делом невольно бросила взгляд на потолок: в мансарде кто-то сдвинул стул с места. Я прекрасно помнила этот звук: на одной из ножек тяжелого стула не было войлочной наклейки. Решив, что отец там, я оставила пакеты с продуктами на кухонном столе и направилась к лестнице на второй этаж. Остановил меня незнакомый визгливый голос, доносившийся из бывшей родительской спальни. Я резко открыла дверь… Они сидели на краю кровати и были пьяны в стельку оба – отец и какая-то голая огромная бабища, обнимавшая его за плечи. К горлу подступила тошнота, я дурным голосом заорала: «Вон отсюда!» – подскочила к ним и дернула бабу за руку, пытаясь оттащить от отца… Она даже не пошевелилась. Ее смех еще долго звучал в моих ушах, но еще дольше вспоминалась жалкая просительная гримаса на отцовском лице.

Уже спустившись с крыльца, я бросила взгляд на окно кухни – приподнятая чьей-то рукой полупрозрачная занавеска тут же вновь закрыла стекло, но я успела заметить, что рука была мужской. И принадлежала она не родителю – на указательном пальце блеснул золотом массивный перстень…

– Вот вы опять где-то не здесь, Ляна Шандоровна. Возвращайтесь! Давайте-ка проясним один вопрос. Получается, что вы не были на даче после того дня, как застали у отца

женщину.

– Не совсем так. Приезжала, но редко. Очень. – На самом деле навещала я отца раза три, не больше. Но тот в силу своего состояния вряд ли понимал, кто перед ним. Общаться же с его сожительницей желания не было.

– Если бывали так редко, то что же привело вас сюда именно в день его смерти? После долгого забвения?

– Я приезжала и накануне… Мне в тот день позвонил Громов и сообщил, что тот пьет уже постоянно, практически не просыхая. Павел Андреевич только что вернулся с дачи, заходил к отцу – дом открыт, а того нигде нет. Я было хотела, как обычно, проигнорировать сообщение – нового я не услышала ничего. Но при разговоре присутствовала Тата, она и уговорила меня навестить родителя. Я выехала сразу же после звонка Павла Андреевича, опасаясь, что позже отец, если уходил с утра за пойлом в село, уже будет совсем не пригоден к общению. Я все-таки надеялась с ним поговорить.

– Выехали на машине?

– Да, отец отдал мне свою «Ауди», как только я сдала на права… Часов в двенадцать я была уже на месте. Дверь в дом была прикрыта, но отец, по всей видимости, так и не объявился. Не было в доме и посторонних, что меня, конечно же, обрадовало. Я, помню, тогда слабо понадеялась, что отец мог все же уйти в лес к источнику или вообще уехать в город, забыв про окна и двери. Собственно, опасаться воров в этой глуши глупо – о поселке мало кто знает, да и брать нечего.

– Вспомнив сегодняшнее происшествие, я бы не был столь категоричен!

– Хорошо, согласна… Я тогда решила немного подождать, но вскоре возникло чувство, что зря теряю время. Часа в два я на всякий случай закрыла окно в мансарде на шпингалет – по прогнозу в ночь обещали сильный дождь с ветром. Потом заперла дверной замок на три оборота, запасной ключ положила в желобок на крыше крыльца (там наш тайник) и уехала. А на следующий день вернулась… По-моему, я вам все это уже рассказывала…

– Я пытаюсь с вашей помощью восстановить события того дня. Так почему вы вернулись на следующий день?

Я, задумавшись, молчала. Как я могла объяснить Сотнику, что, проведя беспокойную ночь, я, начиная с десяти утра, возилась с заболевшей Татой. В десять вызвав «скорую», после ухода врачей сама ставила ей каждые четыре часа уколы, потому что та отказалась от госпитализации. Тате вскоре стало лучше, а я жутко устала и сама не заметила, как провалилась в короткий сон. А вскочила ровно через пятнадцать минут с четким предчувствием беды, свершившейся или близкой. Неужели, подъезжая к озеру, я уже знала, что отца в живых не застану?

– Вообще-то ехать к отцу еще раз в планах не было, просто почувствовала, что с ним беда, поэтому и… – попыталась я сформулировать доступно, но Сотник не дослушал.

– Я понял. Да… скажи мне кто еще год назад, что буду

верить в предчувствия и предсказания, – высмеял бы, уж простите. Ляна Шандоровна, напомните-ка мне, кого вы там узрели за спиной батюшки вашего? Когда он у окна стоял перед тем, как выпасть?

Я недоверчиво смотрела на Сотника – с чего вдруг такие перемены? Он же мне не поверил!

– Да не смотрите на меня так… Каюсь, ваши «видения» показались тогда бредом. Но все же версию с цыганским прошлым вашего предка отработал. Уж больно близки по времени оба события: пожар в доме баро, его убийство и буквально на следующий день – смерть его бывшего воспитанника.

– Баро тоже убит?!

– Да, тело нашли в день цыганского конфликта в машине, в лесу, недалеко от той дороги, что ведет в дачный поселок. Почти что у Пенкино. Задержись вы в ожидании отца еще на пару часов, проезжали бы рядом с местом преступления. Вот так. А описать того мужчину, которого как бы увидели в окне, сможете?

– Нет. Я заметила лишь силуэт. Точно могу сказать лишь то, что он выше отца на голову. И еще знаю, что из окна он выбросил труп. Или же папа был просто без сознания? – вдруг подумала я вслух. – Возможно… в стельку пьян?

– Так-так, уточните – с чего такие выводы?

– Он совсем не сопротивлялся. А вы тогда заявили, что следов насилия на теле не было… А вскрытие? Вы же делали

вскрытие?

– Вот зря вы тогда меня не стали слушать, – укорил Сотник, а я вспомнила, как молча подписала документы, когда приехала за телом отца. Сотник действительно пытался мне что-то сказать, но я, хлопнув дверью, ушла.

– Как понимаю, вы уже допускаете, что это было убийство? Он не сам выпал из окна? – с вызовом спросила я.

– Ваш отец скончался не от падения с высоты, а от отравления суррогатным пойлом. А потреблял он его, скорее всего, не в одиночестве, как мы решили. Вы помните, что эксперт забрал стакан и бутылку, что стояли на столе? Один стакан! И на бутылке были найдены отпечатки пальцев лишь вашего отца. Что меня и насторожило…

Я, ничего не поняв, уставилась на Сотника, ожидая продолжения.

– Ну, кто-то же должен был продать ему эту бутылку левой водки? Не сам же он ее произвел и наклеил этикетку? Следовательно, должны были быть и еще пальчики. А их старательно уничтожили. Встает вопрос – кто и зачем? – пояснил тот.

– Значит, отец точно был не один! А уголовное дело так и не завели?

– Не было оснований. Мы нашли производителя паленки, точку сбыта в Пенкино, где ваш отец приобрел бутылку – он там постоянный покупатель. Продавец подтвердила, что продала одну поллитровку ему именно в тот день. Есте-

ственно, с полным набором отпечатков пальцев нескольких лиц, включая ее саму. С ней, бутылкой, он и отправился обратно домой, проведя предыдущую ночь в доме друга-собутыльника. Вы, Ляна Шандоровна, накануне его не дождались бы, приди вам в голову эта мысль – остаться до победного.

– Понятно. А того, кто стер пальчики, вы и не искали, – не удержалась я от упрека.

– Что смог, я сделал. Опросил тех, кто видел, как он уходил из Пенкино. Все показали, что ваш отец отбыл в одиночестве. Часам к четырем он пешком должен был добраться до дома, если, конечно, по дороге его ничто не задержало.

– То есть этого главного цыгана, баро, убил точно не отец?

– Точно. В силу состояния нестояния. Пришел в себя ваш отец лишь к обеду следующего дня, ставшего для него роковым. Тому куча свидетелей.

– И вы думаете, что смерть отца и баро как-то связаны?

– А вы, после того, что я вам рассказал, связи не видите? Кстати, убийство Тамаша Бадони так и не раскрыто. По вашему отцу следствие пришло к выводу, что отравление было вызвано передозировкой некачественного алкоголя в крови. Помог ему кто или сам он – неизвестно. Но потреблял он в течение суток, сначала в Пенкино, продолжив дома…

– Где наверняка еще был запас его собственной наливки. Обычно он делал коктейль с водкой…

– Не в этот раз!

– В шкафу под мойкой пустой тары море… Вы же дом не

осматривали! Потому что не было оснований! – не удержалась от сарказма я, ругая в душе себя – почему не настояла на своем?!

– На сегодняшний день мы имеем два неоспоримых факта: убийство Тамаша Бадони и ровно через сутки отравление вашего отца Шандора Бадони. Убийца первого не найден, но ваш отец мог и сам ускорить свою кончину. Так что левая водка не была никем отравлена, а стала той самой пресловутой последней каплей.

– А стертые отпечатки?!

– Допускаю версию, что уронил бутылку в грязь, вымыл, открыл, налил… дождь шел с обеда, как вы сами знаете. Косвенно такую версию подтверждает тот факт, что грязная одежда валялась кучей на веранде, опять же – вы ее и обнаружили. Шел под дождем, поскользнулся, упал… ну и так далее…

– Вашей фантазии предела нет, Михаил Юрьевич.

– Первые версии часто начинаются с догадок и предположений. А потом подтягиваются факты, результаты экспертиз, свидетельства очевидцев – и вот вам вполне рабочий вариант. Очень даже нередко он оказывается единственно верным.

– Ловко. И какая же, по-вашему, связь между преступлениями?

– Мы до сих пор не знаем мотива убийства баро. В одном я уверен – и сестра его Люба, и ее соплеменники о чем-то

дружно тогда умолчали. На мой вопрос, почему Тамаш, вместо того чтобы бороться с огнем, вдруг садится в машину и уезжает, Люба лишь пожимала плечами. Но, чувствую, причина его бегства ей хорошо известна. А жаль, что вам так безразличны ваши цыганские корни. Я бы вас к родне отправил… поговорить по душам…

– Нет у меня в таборе родни! – возразила я и вскрикнула от боли – защемило сердце, словно я вмиг потеряла что-то дорогое.

– Что с вами? – всерьез испугался Сотник, вновь хватая меня за плечи.

– Отец не хотел, чтобы я знала о его жизни среди цыган, я не лезла с расспросами, – ушла от ответа я. – Тем более мама была бы недовольна. Возможно, говорить со мной на эту тему запрещала она. Теперь я думаю, у нее были для этого основания.

– Какие же?

– Например, смерть родителей отца вполне может оказаться с криминальным душком – взять и умереть в один день, как в сказке? Маловероятно. Опять же, пожар. Это был поджог?

– Да, но там причина – конфликт из-за цыганской девушки. Бадони отказался отдать ее замуж за русского парня.

– А мотив убийства баро тот же? Догнал и добил?

– Нет, парень в это время принимал участие в драке, вся его родня и друзья – тоже. Это подтвердили обе стороны кон-

фликта. За поджог ему дали срок.

– Сами подумайте, мама могла меня отпустить в табор? Хотя бы в гости? Я бы своему мужу запретила даже упоминать о такой родне.

– Вы жестоки, Ляна Шандоровна.

– Ничуть! Мне вполне хватает драмы в моей семье.

– Ну, хорошо, как знаете. Пока оставим это давнее дело. Давайте вернемся в нынешнюю реальность. По всей вероятности, ваш Егор Романович знал, куда шел. А что, если предположить, что к вам? Или, учитывая его возраст, к вашим родным? Возможно, знал их в юности? Или детстве? Или сам жил здесь?

– К чему это вы клоните, Михаил Юрьевич? – посмотрела я на Сотника с подозрением.

– Вы сами сказали, что он удивился, как здесь все изменилось. Принесите-ка семейный альбом. Пожалуйста, – ответил он просьбой на мой вопрос.

Я молча отправилась в свою спальню. Собственно, альбомов на даче когда-то хранилось два, но свои детские фотографии я давно забрала в городскую квартиру. А второй… Я держала его в руках очень давно. И не я – Захар. Тем летом мы здесь отмечали окончание девятого класса. Так случилось, что испытание алкоголем прошли лишь двое – он и я. Наши одноклассники очень скоро расползлись по комнатам. Жанну Каверину мы с Захаром уложили на диван в мансарде. Захар не пил по убеждению, на меня же выпитое шам-

панское подействовало странно: мне вдруг стало жизненно необходимо выговориться. Все равно кому… Захар слушал, не глядя на меня, а перелистывая альбомные страницы. Я же выплескивала из себя всю накопившуюся боль: последние полгода, наблюдая, как рушится наша семья, я металась между родителями. Пыталась расспрашивать и того, и другого. Мама тут же от меня уходила, а отец лишь грустно улыбался. Понять, что инициатор развода не он, было несложно.

Захар, кажется, даже не слушал, но его вопрос, заданный после того, как я замолчала, поставил меня в тупик. Я не думала об этом! А он напомнил, что уже скоро я должна буду выбрать, с кем из родителей останусь жить. Не ответив, я расплакалась…

Он оказался опытным любовником. Я же, у которой здравые мысли появлялись в голове лишь короткими вспышками, рассталась с детством без боли. С щенячьим восторгом принимая тяжесть мужского разгоряченного тела и жадную ласку припухших губ, я если и пыталась оттолкнуть его, то лишь на миг – сделать глубокий вдох, чтобы хватило воздуха для еще одного погружения в греховный омут…

– О чем задумались, Ляна Шандоровна? – Сотник, стоя в дверях комнаты, смотрел на меня с подозрением.

– Вот, держите. – Я взяла с полки альбом и протянула ему. – Первая фотография – свадебная. Дед с бабушкой со стороны мамы. Илья и Софья Зулич. Деда я не видела ни разу, бабушка умерла в две тысячи втором.

Майор открыл альбом и развернул ко мне. Овальное окошко паспарту зияло пустотой.

Глава 7

– И как вы думаете, кому и зачем могла понадобиться фотография ваших предков? – слегка повысив голос, спросил Сотник.

Картинка, как Егор Романович вынимает снимок из альбома, возникла передо мной неожиданно четко. Вот он кладет его в карман спортивной куртки, выходит из спальни. Приближается к лестнице, задирает голову вверх. Я отчетливо вижу шевелящиеся губы, как будто он кому-то что-то кричит. Но слов не слышу – эти мои видения беззвучны, как немое кино. Но мне понятно, что в комнате в мансарде кто-то есть. Знать бы, из какого времени выплыла картинка… И второй вопрос – стоит ли обсуждать это с Сотником?

– Как с вами трудно, Ляна Шандоровна! Вы как будто в двух мирах одновременно пребываете. У вас даже лицо становится… неживым. Страшновато, знаете ли, наблюдать. Так что привиделось на сей раз?

– Фото из альбома взял Егор Романович. В этот момент в доме он был не один, наверху находился еще один человек, – нехотя ответила я.

– Имеется в виду мансарда?

– Да. Но когда это произошло, сказать не могу. Может быть, сегодня. Или же в течение этих двух месяцев… кто знает! Я так понимаю, фотография при обыске комнаты вам

не попалась?

– Нет. Никаких фотографий не попалось, – вздохнул Сотник.

– Получается, унес ее опять же убийца, искать которого нужно среди тех, кто знал и Егора Романовича, и моих предков. Честно говоря, мне такие люди неизвестны.

«Можно поинтересоваться у Громова, хотя он в этом доме, кажется, поселился, лишь когда поступил на службу водителем к подполковнику Ларину. Так, по крайней мере, рассказывал сам. Да-да, это произошло после того, как он вернулся из армии, точно!» – вспомнила я давний разговор с Павлом Андреевичем, но мысли вслух озвучивать не спешила.

– Ваша мама должна бы помнить тех, кто обитал в поселке во времена ее детства и юности. – Сотник продолжал рассматривать фотографии в альбоме.

– Вовсе нет! Мне известно, что школьницей, да и студенткой, она серьезно занималась гимнастикой и лето проводила в спортивном лагере на той стороне Волги. Бабушка же одна сюда никогда не ездила.

– Почему?

– Вот уж не знаю. Вообще представить ее здесь не могу! – Я фыркнула. – Чтобы Софья Марковна – и без городских удобств… Очень сомнительно.

– Не жалуете вы свою родственницу, Ляна Шандоровна, – укоризненно покачал Сотник головой. – Веские причины

имеются?

– Причина одна – взаимная нелюбовь. Она не любила меня, так как я – дочь цыгана, я ее – в ответ.

– То есть матушку вашу беспокоить расспросами о былом бесполезно.

– Да. Тем более что особой теплоты между мамой и бабушкой я тоже не наблюдала. Не думаю, что у них имелись темы для откровенного обсуждения. Софья Марковна была, хотя и плохо об умерших говорить не принято, холодным, равнодушным человеком. Я не представляю, как можно было ее любить. Сейчас я о мужчине – ведь дед женился на ней! Правда, он рано умер – еще до рождения моей мамы. Эта фотография, которая пропала, – единственная, где он есть.

– И, следуя логике, если ее из альбома, как вам привиделось… – он слегка запнулся, – забрал ваш постоялец, то он знал обоих. Смею предположить – довольно близко. И, возможно, кто-то из них был ему особенно дорог.

– Думаете, Софья Марковна? – признала я сразу его правоту.

– Допускаю – оба. То есть Егор Романович вполне мог быть другом обоих. Вот вам объяснение, что в трудный момент жизни он стремился туда, где когда-то был счастлив.

– Почему не к нам в городскую квартиру? Если он такой друг… близкий, должен бы знать адрес!

– Скорее всего, ему было известно, что ваша бабушка скончалась. Его притягивало само место. Знаете, как пре-

ступника тянет туда, где совершил преступление…

– Не знаю! – оборвала я его. – В одном уверена – Егор Романович искал уединения. Лучшего места для этого, поверьте, не найти.

– Давно это поняли? Поэтому и в полицию не сообщили?

– Да. Я не люблю вмешиваться в чужую личную жизнь!

– Ой, лукавите, Ляна Шандоровна! А как быть с теми, кому вы будущее вещаете?

– Послушайте, Сотник, – я разозлилась и повысила голос, – вы понятия не имеете о вещах, о которых пытаетесь судить. Я могу вмешаться, и не только карты разложить. Но только по просьбе самого человека, с его разрешения.

– Вот же вы… разошлись! Успокойтесь…

– А вы замечания свои при себе и держите. А то отправлю квакать… в камыши! Я же ведьма! – отрезала я, ничуть не жалея о сказанном.

– Хорошо-хорошо… Как часто вы здесь бывали за последние годы? Я так прикинул – в консерватории вы учились лет пять? Поступили сразу после школы? Хотя нет… по годам не сходится, – задумался он вдруг.

– Я ушла из школы после девятого класса, через два года поступила в музыкальное училище, – решила я ему помочь в расчетах.

– Почему только через два года? – живо перебил Сотник.

– По семейным обстоятельствам! – отговорилась я общей фразой. – В консерваторию я уехала учиться сразу после

похорон отца. Вернулась окончательно через пять лет, приезжала сюда только летом. И скорее из любопытства – все меньше дачников становилось год от года. Конечно, оно понятно: цивилизации здесь нет, официально поселка не существует. Дорога постепенно зарастает, я сама нахожу съезд на нее с трудом. Да и то по ленточке, привязанной к ветке дерева. Летом, бывает, живу неделю-другую. Чаще с Татой Новицкой.

– Одним страшновато, наверное?

– Немного неуютно. Иногда кажется, в заброшенных домах кто-то обитает. Мы как-то года два назад с Павлом Андреевичем при дневном свете обошли все закрытые давно коттеджи – не нашли ни одной щели или оторванной доски. Все окна, двери заколочены, подвалы на замках. Дружно пришли к выводу, что в тот год на дачах мы с ним бывали одни. Стало грустно, мы оба помнили, как многолюдно было во времена моего раннего детства. Все восемнадцать коттеджей были заселены, детей куча на площадке, вечерами огни вдоль настила… А сейчас такая тоска вокруг! – вдруг расчувствовалась я.

– Давно общались с соседом? Это его дом на берегу? – Он подошел к кухонному окну. – Я правильно понял, в этом году Громова вы здесь не видели?

– Нет. Как ни приеду – закрыто. Возможно, мы бываем в разное время… Или же с его отцом совсем плохо, вырваться не может.

Я задумалась, вдруг вспомнив последнюю с ним встречу здесь, на даче, в начале прошлогоднего лета. Мы с Татой решили устроить себе отпуск и провести в доме не меньше недели – обе устали от потока людей: у меня прошла вереница мамочек, волнующихся за сдачу отпрысками ЕГЭ, Тата же в придачу к своим пациентам принимала больных захворавшей коллеги. Тишина ставшего практически диким места с первых минут подействовала на нас расслабляюще, и мы, наскоро разгрузив багажник, вынесли под ель два плетеных кресла и складной столик. Запустив в подвале генератор, я вернулась на кухню и поставила на электрическую плитку турку с водой. В этот момент и услышала голоса – Тата у дома была не одна. Тогда я даже обрадовалась, догадавшись сразу, что собеседником ее мог быть лишь Громов. Кофе я сварила на троих, но, спустившись с крыльца с подносом в руках, Павла Андреевича возле Таты не обнаружила. Тата, которую четверть часа назад я оставила в прекрасном расположении духа, выглядела недовольной. «Что случилось? Почему Громов ушел?» – спросила я, разливая кофе по чашкам. «Я думала, мы будем одни!» – резко ответила она и тут же завела разговор о моей матери – вот, мол, хорошо бы ее с Саней и Отто сюда вытащить на месяц-другой. Я даже рассмеялась, представив юнца пубертатного возраста, говорившего по-русски с акцентом, уныло сидящим на крыше дома и пытающимся подключить мобильную связь. Но меня не покидало чувство, что Тата ловко ушла от моего во-

проса. С Громовым я столкнулась позже, на помосте у озера – он тоже пришел набрать воды. Пригласив его на ужин, я в ответ услышала отказ. Это было неожиданно, я считала наши отношения непринужденными и даже дружескими. «Без обид, Ляночка. К вам я бы с удовольствием, но Татьяна будет недовольна. И поверьте старику, у нее есть для этого основания», – ровно, без эмоций пояснил он. Все мои попытки расспросить Тату оканчивались ничем – та сразу меняла тему разговора. Я так до сих пор и не знаю, что скрывают эти двое.

Сотник, пока я была погружена в свои мысли, видимо, изучил весь альбом.

– Все фотографии, кажется, на местах, нет только одной. И это странно. Предположение, что он знал ваших дедов, перешло в уверенность. Просто он этот факт от вас почему-то скрыл. А пойдемте-ка на свежий воздух, Ляна Шандоровна. В доме осталась работа для экспертов. Но – завтра. – Он бросил взгляд на наручные часы. – Время к десяти, а следственные действия в ночное время, то есть после двадцати двух ноль-ноль, противозаконны, вы в курсе?

Я не ответила.

Сотник спустился к полицейской машине, я же задержалась на крыльце. Место, где лежало тело Егора Романовича, было ярко освещено фарами двух машин и переносным прожектором. Эксперт в белом защитном костюме, маске, бахилах и перчатках делал снимки с разного ракурса. Необъясни-

мую тревогу я почувствовала сразу, как только он, бросив на меня мимолетный взгляд, кивнул на кусок земли, огороженный булыжниками, который я именовала клумбой: каждую весну на этом месте кучкой расцветали нарциссы. Подойдя к перилам, я посмотрела вниз – отпечаток подошвы сандалии Тальникова был четко заметен на влажной после дневного дождя земле. Получается, моя попытка уничтожить все следы пребывания Захара возле дома не удалась. Эксперт что-то шепнул Сотнику. Чертыхнувшись, тот тут же повернулся ко мне.

– Ничего не хотите мне рассказать? Кто был сегодня с вами в машине? И где этот человек?

– Я приезжала на дачу с другом. Он вернулся в город, мне бы не хотелось вмешивать его в свои дела, – спокойно ответила я.

– Давайте-ка, Ляна Шандоровна, это я буду решать – вмешивать вашего… друга в дело об убийстве человека или нет. Например, сейчас я уже совсем не уверен, что вы оба оказались в столь поздний час на даче без весомой причины. И судя по количеству пакетов из продуктового магазина на заднем сиденье вашего автомобиля, собирались задержаться в доме надолго. Итак, имя, фамилия, адрес вашего спутника. И номер мобильного телефона!

– Захар Тальников, бывший одноклассник. Мобильника у него нет – потерял сегодня, новый не купил. Ушел от жены, я разрешила пожить на даче. Приехали сюда, как вы заметили,

вместе. Обнаружили труп, я отвезла Захара на остановку у села Пенкино, чтобы тот вернулся на мою городскую квартиру. А сама позвонила вам.

– Почему отвезли?

– Потому что хватит человеку на сегодня волнений! – зло ответила я. – Не понимаю, в чем криминал?

– Вы правы, криминала нет. Но ваш друг – ценный свидетель. Вдруг вы о чем-то… умолчали? А он окажется более разговорчивым.

– Вы серьезно сейчас? Ну, знаете! Вы чисто иезуит, Сотник! Как все вывернули!

– В любом случае мне нужно его опросить. – Сотник бросил на меня недовольный взгляд и отвернулся к эксперту: – Сергей Петрович, время смерти примерно?

– Около полудня. Но по некоторым признакам, причина – сердечный приступ. На затылке небольшая гематома, которая образовалась при падении. И еще – вашего гостя избили.

– До смерти?!

– Внешние повреждения не критичны. После вскрытия скажу точно.

– То есть это не убийство?! – вдруг дошел до меня смысл сказанного.

– А вам, Ляна Шандоровна, что подсказывает ваша… интуиция?

– Ничего! – с досадой ответила я, уже ничего не понимая в происходящем.

Глава 8

Пообещав Сотнику, что завтра к девяти привезу Захара в участок для дачи письменных объяснений, каким образом следы его сандалий оказались у мертвого тела, я заперла дом. Сотник суетился с желтой лентой, микроавтобус с экспертом и трупом деда, прощально мигнув задними фарами, отъехал от крыльца, вырулил на дорогу и вскоре скрылся за деревьями, а на меня вдруг навалилась такая усталость, что я присела на ступеньку лестницы и прислонилась головой к перилам. «Куда мне за руль?» – мысль мелькнула, и сознание тут же переключилось на какие-то новые ощущения: стало вдруг очень тепло, и… спокойно. Я повернула голову. Сидя рядом, меня обнимал Сотник. Я молчала, пытаясь разглядеть в темноте его лицо.

– Вот как-то так, Ляна Шандоровна… – глухо и виновато прозвучал голос. – Нравитесь вы мне! Сильно. И давно…

– Не очень удачный момент для признаний вы выбрали, господин майор. – Мне не хотелось даже шевелиться, да этого бы мне и не удалось: руки его на моем плече были крепко сцеплены в замок.

– Я и не выбирал. Вот сели бы в машину и уехали. Тогда бы – все. А то…

Он целовал меня жадно, с каждым вдохом отыскивая все новые, не тронутые его губами места: опущенное веко, ям-

ку под глазом, ложбинку у носа. Отрываясь на миг, смотрел пытливо и требовательно, но, так ничего и не поняв, касался губ: сначала осторожно, словно пробуя на вкус, но уже через мгновение со всей силой захватывая своей властью. Было сладко и немного больно, я не сопротивлялась, слабо отвечая, но не испытывая желания чего-то большего. Мое тело молчало, мысли были трезвы, а самое яркое чувство я бы назвала благодарностью. За тепло и защиту. За то, что откуда-то появились силы вот прямо сейчас сесть за руль и ехать. Ехать в кромешной тьме по лесной дороге, зная, что, соблюдая дистанцию, в своей машине за мной следует Сотник.

Окажись сейчас на его месте Тальников, печать с двери дачного дома, скорее всего, была бы уже сорвана…

– Прости… Я тороплюсь, да? – Сотник замер, уткнувшись лбом мне в висок.

– Я не готова к отношениям. Да мне и нельзя. Ведьма должна быть одинокой, – усмехнулась я, сказав, в общем-то, правду.

– Таборная гадалка оказалась права. – Сотник отпустил мои плечи и встал. – Я не смогу тебе ничего дать. Ты если заберешь, то целиком. Я сначала не понял, о чем она. Сейчас дошло: для тебя просто переспать, получить удовольствие – ничего не значит. Подашь как милостыню из жалости. Закинешь на третий круг рая, а сама исчезнешь – нет там для тебя ничего нового, – потому что я не тот, кто тебе нужен. А я майся потом всю оставшуюся жизнь, сходи с ума от воспо-

минаний…

– Наверное, не родился тот, кто смог бы и меня… закинуть. – Я поняла, о чем он…

…Я тихо плакала, а отец молча стоял рядом, исподлобья глядя на мать. Она же была спокойна. Еле заметная презрительная гримаса застыла на красивом лице, совсем не испортив эту грешную красоту. Грешную… выражение отца, часто им повторяемое в адрес уже чужой ему женщины – они только что развелись официально, хотя не жили вместе почти год – почти со дня рождения Сани.

В детстве я таких слов от отца не слышала. Он звал маму «радость моя», «солнце мое», одним ласковым взглядом за короткое мгновение охватывая ее всю – от тонких щиколоток до овала лица. Задержавшись на сочно-розовых губах, поднимал взор выше и долго, требовательно смотрел глаза в глаза. Мама скоро отворачивалась. Мне в такие моменты становилось неловко, словно я подсматривала за ними тайком. Подрастая, начинала понимать: отец ее любит, она его – нет. Так же как и я любила Захара, а он меня – нет. Будучи внешне похожей на мать, я переняла судьбу отца. «Почему ты называешь свою любовь к маме грешной? Разве за грехи попадают не в ад?» – спросила я, когда она вышла из комнаты. Он вытер мои слезы тыльной стороной ладони и взял меня за подбородок. «Девочка моя, мы оба с мамой грешны. Мой грех в том, что не смог вовремя отпустить, ее – в том, что сама не ушла. Таким женщинам, как мама, отдаются

целиком – душой, телом и мыслями. Сметая на пути все и всех, что бы ни мешало: обстоятельства или люди. Они принимают тебя, видимо, в какой-то тайной надежде, что ты – их второе я. И быстро понимают, что вновь ошиблись. Гаснут вмиг, оставляя тебе свою жалость. Но ты уже поднялся в рай. И вот бродишь ты по раю, а счастья нет. Когда-нибудь и тебя кто-то будет любить так же. Но ответишь ли ты? Не знаю… А мысли о Захаре оставь. Не он твоя судьба». Я тогда за последнюю фразу разозлилась на отца страшно…

– Ляна, нужно ехать. Ты как, сможешь за руль? Или отвезти? Машину можно и здесь оставить. – Сотник подал мне руку, помогая встать со ступеньки.

– Все в порядке, доберусь сама.

Прежде чем сесть в машину, я осмотрелась. Тревога, возникшая вдруг, была столь острой, что пришлось сделать глубокий вдох, чтобы унять часто забившееся сердце. Какая-то птица кричала пронзительно тонким голосом, напоминая рыдания профессиональной плакальщицы на похоронах. Вдруг совсем рядом ухнул филин, обрывая ее стенания, и наступила тишина. Я отчетливо «услышала» всплеск воды от погружения в нее весел. Лодка с человеком в плащ-палатке «проплыла» перед моим мысленным взором и словно растаяла в ночной мутной темени. Теперь мне слышна была лишь песня, которую тихо «напевал» лодочник. Это был известный романс «Не для меня…».

Я ничего не сказала Сотнику, торопливо сев за руль, пока

майор не заметил моего волнения. Но я была уверена, что человек в лодке так же реален, как и мы с моим собеседником. И он, возможно, был сегодня на территории дач, вполне вероятно, что и в моем доме. Я бы даже смело приписала ему убийство деда, если бы того действительно убили. Убили… или довели до приступа, его убившего? Если этот исполнитель романса встречался с Егором Романовичем, между ними могла возникнуть ссора… Черт, ну почему я не могу до сих пор «открыть» старика? Даже мертвый он непробиваем. Единственная картинка, что я смогла «увидеть», – как он берет фотографию из альбома и прячет в карман. И кого-то окликает… того, кто потом в лодке уплыл, доведя старика до инфаркта? И еще и поколотив изрядно? Холодок, резво пробежавший по позвоночнику, был подтверждением моих догадок – так было всегда, когда я оказывалась права.

Машина Сотника так и плелась за мной по трассе – я по темноте ездить с нормальной скоростью боялась, даже в очках плохо видя дорогу. Впрочем, при наступлении сумерек я так же неуверенно передвигалась и по земле: официально диагноз «никтолопия», в простонародье «куриная слепота», был поставлен мне не так давно, но при слабом освещении я видела плохо с раннего детства.

Сотник сопроводил меня до моста через Татьянку, там развернулся и, помигав прощально фарами, уехал. А я вдруг пожалела, что вот так, сразу, оттолкнула его от себя.

Круглосуточный супермаркет на въезде в город приветли-

во встретил меня ярко освещенными витринами, но я, вовремя вспомнив, что на заднем сиденье так и остались лежать пакеты с продуктами, даже не притормозила. Въехав во двор, я заметила, что окна кухни и комнат темные. Понадеявшись, что Тальников не заснул, а ждет меня, я, слегка постучав по стеклу кухонного окна, открыла дверь магнитным ключом, дубликат которого хранила в бардачке машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.